

АЛЕНА БЕЛОЗЕРСКАЯ

ОПАСНЫЕ
СВЯЗИ

ДЕТЕКТИВНАЯ МЕЛОДРАМА

ПЕРЕЖИТЬ ВСЕ
ЗАНОВО

Фавориты бога

Алёна Белозерская
Пережить все заново

«ЭКСМО»

2014

Белозерская А.

Пережить все заново / А. Белозерская — «Эксмо»,
2014 — (Фавориты бога)

ISBN 978-5-699-73780-2

Полина Матуа не раз попадала в переделки, из которых ей удавалось выбраться. Но сейчас она оказалась просто в безвыходном положении! Внутри все кричало от страха и неверия в происходящее. Тоня, ее лучшая подруга и по-настоящему близкий человек, находится в руках шантажистки, странной женщины по имени Хулия, угрожающей избавиться от девушки в случае невыполнения ее условий. А требования чудовищные: вывезти из страны и передать Хулии Нину, дочь Филиппа Литвина, любимого мужчины Полины! Однако больше всего Полину поразила другая новость – Хулия приходится Нине матерью. Верить этому или нет? Ведь Литвин уверял, что мать Нины давно умерла... Как же поступить? Обречь на смерть подругу или похитить девочку, предав тем самым свою любовь?..

ISBN 978-5-699-73780-2

© Белозерская А., 2014
© Эксмо, 2014

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	17
Глава 3	27
Глава 4	32
Глава 5	39
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Алёна Белозерская

Пережить все заново

© Белозерская А., 2014

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

Глава 1

– ...День обещает быть теплым и солнечным. Рабочая неделя только началась, а мы уже с нетерпением ждем выходных. Весна, товарищи! Время любви и развлечений! Очень не хочется сидеть в офисе...

Бодрый голос радиоведущего, в котором, однако, сквозили горестные нотки, заставил Полину улыбнуться и еще громче включить динамики, так как следом за отчаянной проповедью о нелюбви к трудовым будням заиграла по-летнему пылкая композиция, видимо, призванная усилить тягу к приключениям. Пританцовывая в такт ритмичным мотивам, Полина быстро замесила тесто для блинчиков и поставила на плиту сковородку. Улыбка не покидала ее лица, так как настроение было задорным, и вместе с тем в душе царил покой. Безотчетная радость говорила Полине о том, что наконец к ней пришла удача. Радовало все: теплые отношения с братьями, которые, впрочем, всегда отличались нежностью и готовностью поддержать, работа воодушевляла, друзья веселили, не давая возможности скучать, да и личная жизнь начала налаживаться. Рядом находился мужчина, спокойный, уверенный в себе, тот, с кем она легко могла представить себя через тридцать лет. Впрочем, так далеко Полина старалась не забегать в своих мечтаниях, ибо уже многократно обжигалась, устраивая подобные эксперименты. Не раз случалось, что она безрассудно влюблялась, не видя за придуманным ею образом настоящего мужчину. Ослепленная страстью, она стремительно неслась к своему новому виртуальному счастью, торопливо нарисованному богатым воображением. А после, разочарованная реальным положением вещей, в котором «самая большая любовь» оказывалась лишь иллюзией, долго приходила в себя. «Не стоит бежать впереди паровоза. Сядь в вагон, рассмотри пассажиров и пейзаж за окном. В общем, оцени обстановку и только потом действуй. Не понравится – сойдешь на ближайшей станции или же купишь билет до конечной». Именно эти слова когда-то сказала Полине ближайшая подруга Зина, которая отличалась рассудительным, даже циничным подходом к жизни. Не сказать, что подобная позиция всегда оправдывала себя, порой она казалась чересчур рациональной, однако не давала возможности предаваться пустым грезам, позволяла держать глаза широко открытыми, следовательно, уберегала от ошибок, немало совершенных Полиной в прошлом. Впервые в жизни она ощущала, что контролирует свои мысли и отношения, и это, признаться, ей очень нравилось.

– Судя по всему, утро сегодня доброе? – в гостинной раздался ироничный голос.

– Как ты догадался?

– Веселая музыка, сытный завтрак и передник, надетый на голое тело. – Литвин обнял Полину за плечи и развернул к себе. – Игриво и эротично. Повод?

– Весна. Настроение великолепное.

– Жаль, что не я тому причина, – послышался наигранно тихий вздох, следом раздался звонкий шлепок по обнаженной ягодице.

– Хам!

– Именно такую характеристику ты дала мне в нашу первую встречу.

– Во вторую. Странно, что ты помнишь об этом, – она с удивлением посмотрела ему в глаза.

Во взгляде Литвина Полина увидела лишь насмешку, но не обиделась, так как быстро поняла ее значение. Филипп недвусмысленно намекнул на то, что Полина является важной частью его жизни, ибо только этим можно было объяснить такую хорошую память на обстоятельства годичной давности, учитывая их незначительность в сравнении с бурными и не особо приятными событиями, которые произошли с ними за этот сравнительно небольшой период времени.

– Мне приятно. – Она почувствовала, как щеки покрылись жгучим румянцем, оттого что Литвин запустил руки под передник. – Фил... блины сгорают.

– Так какой повод? – Литвин послушно убрал руки и присел за стол. – А! Я вспомнил. Вчера Тоня вернулась из... Откуда?

– Из своей первой командировки. Швейцария. Вела переговоры с принцем Халедом о покупке призового жеребца по кличке Стиг.

– Ты не говорила о том, что получила заказ на этого чемпиона.

– Ты плохо слушал. – Полина выключила плиту и поставила тарелку, на которой аккуратной стопочкой лежали кружевные блины, на стол. – Или действительно не сказала?

– Я бы помнил об этом. И как все прошло? Неужели принц продал его?

Полина отрицательно покачала головой.

– Готов был спорить на это! – самодовольно воскликнул Литвин. – Выходец из «семьи» пятикратных чемпионов, девять побед в соревнованиях, ни одного поражения. Мечта, а не жеребец! У Стига есть только один конкурент – Маат. Его брат, и он, кстати, тоже принадлежит принцу.

– Мне об этом известно, дорогой.

– Так во сколько оценили жеребца?

– Девятнадцать миллионов, – сказала Полина, с улыбкой наблюдая, как в немом удивлении округлились глаза Литвина. – Но это только начальная стоимость. По факту цену можно смело увеличивать в полтора раза.

– Безусловно, чистокровные английские жеребцы невероятно красивы. В них присутствует столько мощи и одновременно грации, что невозможно взгляд оторвать. Но люди, которые тратят подобные деньги на это живое мясо, – сумасшедшие. За такую сумму можно... Продолжай, вижу, ты не все рассказала.

– Я даже не имела представления о том, что ты настолько хорошо ориентируешься в «призовых лошадаках». Часто посещаешь ипподром? Почему меня ни разу не приглашал с собой?

– А ты почему не взяла меня на прием в Кремль? – рассмеялся Литвин. – Ты обо мне еще многого не знаешь. Однако я обещаю рассказать тебе о своих интересах и увлечениях.

– Я ни разу не была в Кремле.

– Разве? – послышался быстрый вопрос, и Полина поняла, что Литвин намеренно поддевает ее. – Получается, Тоня провалила сделку. Первый важный заказ – и такой конфуз! Зачем ты доверила этой неопытной девочке такую сложную задачу?

– Когда-то же нужно начинать!

– У Тоньки кишка тонка для подобных сделок. Максимум, на что она способна, – это кофе варить и записывать сообщения для тебя в блокнот. Клиент сильно разозлился, когда узнал, что не получит желаемое?

– Тоне не удалось договориться о покупке Стига. Но не беда, клиент получит его брата, Маата.

Литвин, который поднес чашку с кофе к губам, так и не сделал глоток, поставил ее на блюдце и недоверчиво нахмурился.

– Тридцать два миллиона, – продолжила Полина. – И моя компания за посредничество получит пять процентов от сделки. Так что Тоня прекрасно справилась со своим первым заданием. Напрасно ты не верил в ее способности.

– А девчонка, оказывается, не промах! Похоже, ты ее хорошо воспитала, – Литвин похлопал Полину по коленке. – Не бойшься, что малышка превзойдет учителя?

– Мне это даже льстит. Я и сама не ожидала от Тони такой хватки, всегда считала ее слишком мягкой и лояльной. Но она удивила меня и напомнила брата...

– Которого?

– Алекса. Он такой же страстный в работе. И, как жеребец принца Халеда, еще ни разу не проиграл.

– Алекс непримиримый и азартный, в то время как Тоня – хитрая и скользкая. И то, что она сумела убедить принца расстаться с жеребцом, которого тот торжественно клялся навсегда оставить в своих конюшнях, доказывает это в полной мере.

– С чего ты взял?! – искренне возмутилась Полина. – Разве ты ее хорошо знаешь?

– А ты? Думаешь, шести месяцев знакомства достаточно для того, чтобы досконально узнать человека?

– Порой и целой жизни для этого не хватит. Но иногда один лишь день, проведенный вместе, позволяет отчетливо понять, что за человек находится рядом.

– Это ты в соцсетях прочла или на слезливых дамских форумах? – ехидно поинтересовался Литвин. – Так говорят те, кто мнит из себя Зигмунда Фрейда, а также невротики и неудовлетворенные жизнью бабы.

– Я верю в то, что люди раскрываются в сложных ситуациях, а у нас с Тоней их было более чем достаточно, – обиженно произнесла Полина и, выйдя из-за стола, подошла к окну.

Было горько вспоминать обстоятельства, при которых они познакомились. Один из клиентов компании, в которой работала Полина, пожелал получить кольцо, принадлежащее баронессе фон Рихтгофен. Старуха не хотела расставаться с дорогой сердцу реликвией. Сначала она сказала, что кольцо давно продано и кто им сейчас владеет, не имеет понятия. А после и вовсе умерла, превратив заказ из обычной сложности в практически невыполнимый. Клиент проявил невероятное упорство, заявив, что Полина должна непременно достать ему кольцо. Он и слышать не хотел о том, что найти его хозяина невозможно, так как баронесса унесла эту тайну в мир иной. Более того, пообещал отправить Полину следом за старухой, если та не выполнит его «милую» просьбу. Смешным и страшным в этой ситуации явилось то, что брат Полины, Александр, получил такой же заказ, но совершенно от другого человека. Получается, они оба работали над одним «делом», однако не знали об этом. Когда же тайное открылось, оказалось, что два «дружка» устроили пари, какая из двух лошадок первой придет к финишу. Причем в роли «скаковых» выступали Полина и Алекс, а призом было сапфировое кольцо стоимостью в несколько десятков миллионов евро. Шантаж, угрозы – «друзья» не гнушались ничем, чтобы добиться желаемого, мечтая выиграть этот сумасшедший спор. Тогда Полина решила заручиться помощью девушки, которая работала на покойную баронессу и, возможно, знала, где находится злополучное кольцо. Это была Тоня, барышня со странной и горькой судьбой, волею случая ставшая последним утешением одинокой склочной старухи. Полина до сих пор помнила их первую встречу и какое невероятное впечатление произвела на нее красота девушки. Светловолосая, синеглазая, изящная, с потрясающе влекущей улыбкой – от одного лишь взгляда на нее дыхание захватывало от восхищения. Но именно несравненная красота, щедрый подарок богов, и сыграла с Тоней злую шутку, превратив жизнь из безоблачной сказки, о которой мечтают все девочки, в жестокую тропу выживания. Мужчины видели в ней лишь предмет вожделения, а женщины неистово завидовали. Все вместе это представляло опасный коктейль желаний и ненависти, который Тоне, увы, пришлось испытать до дна. Она, приехавшая в Германию работать гувернанткой, сменила множество семей, прежде чем попала к баронессе. Причина, по которой ее увольняли, всегда была одной: отец семейства не мог совладать со страстью к няне своих детей, и его жена быстро избавлялась от «русской проститутки» – так Тоню называли благочестивые немки. К счастью, Астрид фон Рихтгофен поставила точку в бешеном калейдоскопе унижений. Старуха была несносным алкоголиком, расистом и желчной на язык змеей, однако нежно полюбила веселую и преданную девушку. Было странным наблюдать за теплыми отношениями столь непохожих друг на друга людей. Их отличало все: социальный статус, отношение к миру, жизни. И тем не менее только Тоню Астрид сделала своей наслед-

ницей, оставив девушке немалое состояние, к тому же поведала тайну о том, где находится кольцо. Ее-то и намеревалась узнать Полина.

Если бы не кольцо и его роль в этой страшной и непонятной истории, женщины никогда не встретились бы. Однако карты легли так, что именно сапфировое ожерелье едва не погубило Тоню и саму Полину и одновременно подарило дружбу. Как оказалось, не только Полина и ее брат охотились за фамильным украшением баронессы. В игру вступил некто таинственный, которой и подсказал двум скучающим богатеям устроить пари, кто придет к финишу первым. Кто этот господин, так и не удалось понять, хотя Полина многое отдала бы, чтобы узнать его имя. Ведь именно он спровоцировал весь тот ужас, который вылился на нее и Тоню, пострадавшую больше всех в этой жестокой гонке. Главным исполнителем сценария стал Конрад, мужчина, к которому Полина, к несчастью, вспылала страстью в весьма неподходящий момент. Она доверилась ему, думая, что он помогает найти «утраченную» драгоценность. Все оказалось гораздо проще и неприятней. Конрад не менее страстно, чем сама Полина, хотел получить кольцо, что у него прекрасно получилось. Он подготовил ловушку, в которую Тоня и Полина, не сумев предугадать, с какой стороны ожидать обмана, угодили обе. Люди Конрада, жестокие и страшные, силой удерживали женщин в подвале какого-то дома. Тоню насиловали с особым мерзким наслаждением, Полину не трогали, но обещали сделать с ней то же самое, если девушка не скажет, где находится кольцо. Тоня уступила, не желая подвергать подругу тем же мучениям, через которые прошла сама. Она отдала кольцо Конраду, который, получив ожерелье, так виртуозно исчез, будто его никогда и не было. Но на этом история не закончилась. Наемники захотели испить чашу «удовольствий» до последней капли, и, если бы не Литвин, Полину ожидала бы та же участь, что и Тоню. Благо для нее все закончилось хорошо, однако Тоня долго приходила в себя после тех событий. И если измученное тело ее восстановилось довольно быстро, то душа еще долгое время кровоточила.

После смерти Астрид девушка осталась одна. Со своей семьей, проживающей в небольшом городке в Беларуси, она не поддерживала связи. «Мне не с кем общаться, – говорила она. – Мать пьет, отчима ненавижу, а сестры давно стали чужими, еще до того, как я уехала в Германию. У меня нет никого». – «У тебя есть я» – так ответила Полина, зная, что многим обязана этой хрупкой девочке, так мужественно защищающей ее перед лицом опасности, и ни разу не пожалела о сказанном. Она уговорила Тоню улететь с ней в Москву, предложила работу, поселила в своей квартире и сделала все, чтобы та быстро привыкла к новой жизни. Конечно, будучи богатой наследницей, Тоня могла купить собственные апартаменты, что она и сделала несколько месяцев назад, да и в работе девушка не нуждалась, так как могла вести беззаботно праздную жизнь, тратя на развлечения и удовольствия миллионы, доставшиеся от баронессы. Однако Тоне нравилось работать в компании, одним из филиалов которой управляла Полина, к тому же, являясь деятельной натурой, она не привыкла долго обходиться без дела.

Именно поэтому было особенно горько слышать слова Литвина, нелестно отозвавшегося о душевных качествах девушки, ставшей Полине близкой подругой. За короткий срок Тоня превратилась в человека, перед которым не нужно было носить маски. Настоящая и родная, с ней можно было искренне смеяться, доверять тайны и не ждать «подножки», ибо такие люди не способны на предательство и всегда протянут руку помощи, когда того требуют обстоятельства.

– Ты не прав, Филипп, называя Тоню хитрой и скользкой, – сказала Полина, повернувшись к Литвину. – Она добрая и отзывчивая. Мягкая, спокойная и отнюдь не коварная. Я не вижу причин, по которым ты составил такое мнение о ней, и от этого мне вдвойне хуже. Может, объяснишь?

– Всего лишь интуиция, – едва заметно усмехнулся Литвин. – Мне кажется, что эта девочка не так уж проста и вскоре проявит себя.

– Поверь, я хорошо узнала Тоню за это время и могу полностью положиться на нее. Потому что, когда живешь с человеком бок о бок, только слепец не способен увидеть, какой он. Согласен? К тому же, если бы не ты, мы до сих пор делили бы эти апартаменты, что мне очень нравилось.

– Жалеешь, что Тоня переехала в соседний дом и оставила тебя одну?

Полина не ответила на этот вопрос, вспомнив тот день, когда Тоня объявила, что нашла себе новую квартиру. Она почувствовала разочарование и сожаление оттого, что подруга решила поселиться отдельно. Даже сейчас, спустя три месяца, Полина скучала по тем беззаботным вечерам, когда они смотрели фильмы, пили вино, ели сладости и вели откровенные беседы. Зато после переезда Тони в собственную квартиру Литвин стал чаще ночевать у нее, но это было, пожалуй, единственным плюсом.

– Ты всегда можешь попросить подругу вернуться.

– Не говори ерунды! – раздраженно воскликнула Полина, раздосадованная тем, что Литвин догадался, о чем она думает. – Такое чувство, что ты чем-то обижен на нее. Признайся, ты подкатывал к Тоне, а она тебе отказала?

Литвин громко рассмеялся, подошел к Полине и обнял ее:

– Теперь ты говоришь нелепости. Или ревнуешь. Неужели ты настолько не уверена в себе?

Полина промолчала, понимая, что любой ответ прозвучит как оправдание.

– Думаешь, меня может заинтересовать какая-то девчонка?

– Порой инстинкты берут власть даже над такими сильными мужчинами, как ты. Я не боюсь, что ты обратишь внимание на другую женщину. Но мне будет неприятно, если ты станешь обманывать меня.

– Обещаю тебе первой рассказать о своей измене.

– Какая наглость! – театрально вспыхнула Полина, но испытала неприязнь лишь при одной мысли, что Литвин будет обнимать другую женщину. – Испортил настроение! Если ты позавтракал, одевайся и выметайся!

– Грубиянка. Поздравляю, это наша первая ссора.

– И, надеюсь, последняя.

– Ты меня бросаешь?

– В другой раз, когда найду значительный повод, – пообещала Полина. – Какие планы на сегодня?

– Сначала в офис. В одиннадцать у меня назначена встреча с адвокатами Яны.

При имени жены Литвина, которая в ближайшее время станет бывшей, Полина почувствовала себя смущенной, словно являлась основной причиной их развода. Разумеется, отчасти она была виновна в том, что Литвин решил поставить точку в неудавшемся браке, но брать на себя полную ответственность за разрушенные отношения не собиралась. И Яна, и Литвин давно перестали быть мужем и женой, задолго до появления в их жизни Полины. Постоянные ссоры, обоюдные претензии, раздраженность друг другом недвусмысленно намекали о семейном кризисе, который перерос в тихую вражду, закончившуюся предложением развестись. Литвин никогда не говорил о своей жене, зато Полине много рассказал о ней Сафет, ближайший друг Литвина и одновременно жених Зины Михайловой, подруги Полины. Так, никогда не интересуясь Яной напрямую, Полина знала, чем занимается госпожа Литвина, как она выглядит и сколько ей лет. Однако о том, что чувствует эта женщина, вступая в завершающую стадию развода, думать не хотелось. Впрочем, Полина с легкостью могла представить себе ее ощущения, так как два года назад прошла подобную процедуру, превратившись из несчастливой замужней дамы в такую же несчастливую, но уже разведенную. Но кто знает, может, Яне повезет больше, чем Полине? «Нет, – тут же подумала она, посмотрев на Литвина, который,

не обращая внимания на молчание, воцарившееся в комнате, с наслаждением пил утренний кофе. – Вряд ли станешь радоваться, когда от тебя уходит такой мужчина».

Полина отвернулась, стараясь скрыть довольную улыбку, однако Литвин заметил, как кончики ее губ подскочили вверх.

– Чему радуешься?

– Много поводов для веселья. Хороший день, солнечный. Сегодня я увижу Тоню, по которой очень соскучилась. Ты...

– Что «я»?

– Напрашиваешься на рифму, – хихикнула Полина, вдруг сняла с себя передник и, подойдя к зеркалу, пристально осмотрела свою фигуру в отражении.

Литвин несколько секунд молча наблюдал за ней, затем сделал несколько шагов вперед, но резко развернулся и направился в спальню. Полина не ожидала подобного маневра, рассчитывая, что он непременно подойдет к ней, обнаженной и влекущей. Надежды не оправдались.

– Филипп, я чем-то тебя обидела? – спросила Полина, заглянув в комнату.

– Ты меня отвлекаешь, – ответил он, застегивая пуговицы на рубашке. – Не хочу опаздывать на работу, а твое дефиле без одежды вовсе этому не способствует.

– Но ты же босс. Можешь появляться в офисе, когда считаешь нужным, не отчитываясь, по какой причине задержался.

– Убедительное высказывание. Однако придется перенести забавы на поздний вечер.

– Ладно, – согласилась Полина, но ощутила разочарование. – Когда встречаешься с Ниной?

– Сегодня обещал забрать ее из школы. – Литвин потянулся за пиджаком. – Присоединишься к нам? Прогуляемся по парку, ходим в кафе.

– К сожалению, сегодня не смогу. – Полина присела на краешек кровати и виновато потерла губу, быстро обдумывая, в какой из дней встретиться с дочерью Литвина, забавной десятилетней барышней, с которой у нее установились теплые, наивно-дружеские отношения. – Скажи ей, что мы увидимся завтра.

– Я завтра буду в Питере...

– Твое присутствие не обязательно. Мы и без тебя найдем чем заняться. Надолго уезжаешь?

– На пару дней. Нина постоянно болтает о тебе. Хочет, чтобы ты жила с нами.

– Предлагаешь руку и сердце? – сконфуженно рассмеялась Полина. – Напоминаю, что ты все еще чужой муж!

– Последние полгода тебе это не мешало, а сейчас вдруг стало смущать? – Не дожидаясь ответа, Литвин наклонился и поцеловал Полину в лоб. – Обещаю, что мы вернемся к разговору, когда я разведусь. – И, подхватив кожаный портфель, вышел из комнаты, прокричав на ходу: – Буду в девять!

Полина прилегла на кровать и задумалась над словами Литвина. Неужели он намерен позвать ее замуж? От этой мысли стало неуютно и грустно. Объяснить причины подобного настроения было сложно, ибо Полина сама не могла понять столь неожиданной реакции. Впрочем, она не услышала от Литвина просьбы стать его женой, но намек на предстоящую беседу об этом заставил сердце тревожно забиться. Полина категорически не хотела говорить ему «нет», но и особого желания иметь третий штамп в паспорте не испытывала. «Я не создана для брака. Уже дважды пыталась стать счастливой женой. Не получилось», – сказала она себе и немедленно испытала облегчение, найдя оправдание для стоического нежелания менять устоявшуюся и вполне комфортную жизнь, в которой нет мужей, детей и других обязанностей. «А если третий раз окажется удачным?» Укрывшись одеялом, Полина внимательно всмотрелась в окно, словно пыталась за тонким стеклом найти ответ на вопрос, который в данный момент представлял особую важность. Космос не потрудился выслать подсказку, только сиротливая ворона

пролетела мимо окон спальни, что, вероятно, и было ответом, который можно интерпретировать по-разному. Ждет, мол, тебя, девочка, судьба одинокой каркающей старухи. Или же: не парь мозг вселенной, мадам Матуа! Видишь, безмозглая ворона и та знает, куда ей лететь, а ты, человек, высшее существо, спрашиваешь непонятно у кого, что делать?! «Истеричка и трусиха», – обозвала себя Полина и, вскочив с кровати, побежала в ванную.

Спустя час она, тщательно причесанная и элегантно одетая, сидела у трюмо и выбирала украшения. После подкрасила губы, еще раз посмотрела в зеркало и, довольная увиденным, поднялась.

До офиса Полина добралась быстрее, чем ожидала, так как машин на дорогах было уже мало, и ровно в десять вошла в главный зал «VIP-life concierge». На мгновение она задержалась у лифта, в наслаждении прикрыла глаза, впитывая приятный гул голосов, телефонных звонков и легких смешков, раздающихся из разных концов большой комнаты, которую сотрудники прозвали «плацдармом». Действительно, это была стратегическая арена, на которой решались важные вопросы. Правда, «военными действиями» здесь руководили отнюдь не агрессивные люди, а милые особы, умеющие с улыбкой на губах предотвратить кризис в жизни какого-нибудь важного человека, заработав при этом несколько тысяч долларов. Уже больше года Полина руководила московским офисом, но из-за огромного количества событий, которые произошли за эти месяцы, складывалось впечатление, что прошло гораздо больше времени. О некоторых не хотелось вспоминать, так как слишком уж горький осадок они оставили в сердце. Другие, наоборот, были курьезными и легкими. При мысли о них на губах появлялась улыбка, а на душе становилось тепло и радостно. Конечно, вторых было больше, чем первых, но своей трагичностью эти первые могли без труда перевесить вторые. Однако благодаря именно неприятностям в жизни Полины появились такие люди, как Литвин и Тоня, будто напоминая о том, что следствием чего-то плохого иногда бывает нечто хорошее.

– Доброе утро, Полина Сергеевна, – поздоровался Вася Еж и тряхнул головой, призывая обратить внимание на новую прическу и цвет волос.

– Похож на педераста, – послышался голос Зины Михайловой, выглянувшей из своего кабинета. – Василий, ну признайтесь, наконец, какой вы ориента...

– Зизя, иди в задницу, – по-детски обиженно огрызнулся Вася и тут же извинился перед Полиной за проявленную в ее присутствии неучтивость. – Традиционный я!

– Докажи.

Зина вышла в коридор и с угрозой в лице приблизилась к Васе, который казался хрупким и изнеженным на фоне ее огромной фигуры.

– Ну, раз ты просишь, – Вася принялся расстегивать ремень, пожалуй, впервые за все время набравшись решимости противостоять женщине, острого языка которой боялся весь офис. – Здесь или в сторонку отойдем?

Полина с восторгом наблюдала, как изменилось лицо Зины, в котором сначала появилась растерянность, следом изумление и, наконец, уважение.

– Мужик! Что ты ел сегодня утром? Яичницу? То-то я смотрю, в тебе тестостерона прибавилось. Придержи брюки, а то хозяйство выпадет. И прояви уважение к общественности, Роберт-ты-де-Ниро. Вот, Матвею Владимировичу, – Зина схватила за руку остановившегося рядом с ними бухгалтера, – недавно аппендицит удалили. Не смей его, а то шов разойдется.

– Так это давно было, Зиночка! – поцокал языком Матвей Владимирович и посмотрел на притихшего Васю, призывно пошевелив реденькими бровками: – Не волнуйтесь, Василий, можете демонстрировать ваши способности. Я пережил перестройку, свою тещу, в которой яда было больше, чем у Зинаиды Андреевны, три экономических кризиса... Выдержу и это.

– Прекратите! – грозно вступилась за Васю Полина, но плечи ее вздрагивали от смеха. – Матвей Владимирович, мы больше не смеем вас задерживать. А ты, Зина, успокойся. Иди, Вася.

– Скачи, ковбой. Йо-хо! – издала Зина клич повелителя диких прерий.

Вася отошел на безопасное расстояние, поднял правую руку вверх и сделал вид, что стреляет в обидчицу. Потом быстро развернулся и скрылся следом за Матвеем Владимировичем в кухне.

– Горячая она баба, но добрая, – послышался голос бухгалтера. – Не обижайся на нее.

– Достала уже, – пожаловался Вася, думая, что их разговор никто не слышит. – Думал, выйдет замуж за своего боксера, успокоится...

– Самбиста! – поправила его Зина и улыбнулась Полине: – Доброе утро!

– Очень доброе. – Полина открыла дверь в свой кабинет и заглянула внутрь: – Тоня еще не пришла?

– Соскучилась? – Зина даже не пыталась скрыть ревность, звучавшую в голосе. – Принца ведь пришлось долго убаживать, чтобы он жеребца уступил. Устала, видимо. Отсыпается. Ты чем-то озабочена?

– Слегка, – кивнув, ответила Полина, в который раз удивляясь способности Зины тонко чувствовать ее настроение. – Литвин намекнул на то, что видит меня в роли своей жены.

– Так и сказал?

– Не совсем, но смысл я тебе правильно передала.

– И как ты отреагировала?

Зина остановилась перед Полиной и сложила руки на груди, приняв вид «главного воина племени», готового незамедлительно ринуться в атаку, если ответ не понравится. Она обожала Литвина, могла часами говорить о его достоинствах, забывая при этом о недостатках, которых было едва ли не больше, чем положительных качеств. Видела лишь исходящие от Филиппа силу, мужественность, уверенность в себе, не учитывая, что сила часто сопровождается жестокостью, мужественность – непоколебимостью и суровостью, а уверенность в себе почти всегда сопрягается с наглостью и эгоизмом. Полина же не обольщалась на счет Литвина, прекрасно зная, на какие «подвиги» он способен, учитывая, что Филипп дважды оказывался рядом в очень опасные моменты ее жизни. Безжалостный, непримиримый, властный и страшный. Такого Литвина Полина очень боялась. Правда, с ней он всегда был нежен и мягок, но все же Полина никогда не забывала о том, в кого Филипп умеет превращаться, когда того требуют обстоятельства.

Зина настойчиво желала услышать ответ. Сейчас она уже не казалась воинственной, напротив, взгляд ее был участливым и заботливым.

– Поля, я желаю тебе счастья. Плевать с кем! Несомненно, с Литвиным предпочтительней всего. Он очень подходит тебе по всем параметрам...

– Но я счастлива и ничего не хочу менять. А если бы ты перестала нападать на Тоню, мое счастье было бы полным.

– Я никогда не трогаю эту малолетнюю путану! Лишь открыто выражаю свое мнение.

Зина принялась расхаживать по кабинету, громко размышляя вслух. Полина обреченно вздохнула, понимая, что Михайловой нужно дать высказаться до конца. Иначе она сначала вспылит, после обидится, а в завершение замолчит, но взглядом будет красноречиво демонстрировать, кто именно виновен в ее душевном расстройстве. Ранее Полина непременно выставила бы эту злобную толстуху из кабинета, не дав и рта раскрыть, но в последнее время отношение к Зине, как и к тем немногим, кого можно назвать близкими людьми, изменилось. Полина стала мягче и терпимее, что, впрочем, приносило больше хлопот, чем пользы. Вот и теперь она решила выслушать жалобы подруги, вместо того чтобы оборвать на полуслове. Делалось это лишь с одной целью: Полина желала примирить своих подруг, которые соперничали между собой, не желая делить ее с кем-то еще. Хотя скорее это Зина вела военные действия, поддевая Тоню, которая всегда отвечала на ехидные замечания благородным молчанием и теплой улыбкой.

- Гувернантка, без образования...
- Владеет английским и немецким, – вставила Полина.
- Неразборчива в связях! – Зина так яростно возмущалась, что лицо у нее покраснело, а глаза округлились и посылали молнии, грозя опалить стены и воздух.
- Красавица, которую обожают мужчины и завидуют страшилки.
- Получается, и я страшилка?
- Я бы так не сказала, – вместо Полины ответила Тоня, и женщины обернулись в сторону двери, причем обе выглядели удивленными, потому что не заметили появления девушки. – Привлекательная, но не в моем вкусе.
- Явилась, и, как всегда, вовремя, – недовольно пробурчала Зина, но изобразила приветливую улыбку на лице: – Доброе утро!
- Здравствуй, – ответила ей Тоня и раскрыла объятия Полине: – Мадам Матуа, рада тебя видеть.
- Полина расцеловала девушку в щеки и так долго обнимала за плечи, что та начала вырываться.
- Прекращай! – мягко попросила она, а после не удержалась и дернула Полину за волосы. – Это что, проявление неумного материнского инстинкта?
- Вот и я о том же говорю, – громко хмыкнула Зина. – Как принц? – уже серьезным тоном поинтересовалась она.
- Ничего не просил тебе передать. Но я, в отличие от него, привезла подарки. – Тоня вернулась к двери, где оставила бумажный пакет, и протянула его Зине: – Шарф. Купила в одном арабском магазинчике, подумала, что он очень подойдет к цвету твоих глаз. И, разумеется, шоколад. Тебе, дорогая, я тоже кое-что привезла, – она повернулась к Полине и положила на стол голубую прямоугольную бумажку.
- Чек, – улыбнулась Полина, посмотрев на сумму в колонке.
- Не только, – Тоня вытянула вперед руку, и на ладонке блеснула изящная цепочка с небольшим кулоном в виде розы.
- Пошлятина, – констатировала Зина, бросив взгляд на подарок для Полины, вытащила из пакета изумрудный шелковый шарф и обернула его вокруг шеи. – А что тебе подарил принц? И почему он живет в Швейцарии, а не в ОАЭ?
- Халед живет не в Эмиратах, а в Саудовской Аравии. Но большую часть времени проводит в Швейцарии, потому что у него там бизнес. Еще вопросы?
- Зина резким движением указала пальцем на блестящие серьги:
- Спала с этим бородатым дядей за брюлики?
- Я могу сама делать себе подобные подарки. – Голос Тони был сух, словно намекал на то, что даже самому стойкому терпению, каким она, без сомнения, обладала, когда-либо приходит конец.
- Убедила, – вдруг улыбнулась Зина. – Молодец, чертовка! А теперь рассказывай, как тебе удалось раскрутить этого Аладдина.
- Назначила ему встречу. За обедом принц сказал, что не намерен продавать Стига, но у него есть достойная замена жеребцу. Я позвонила клиенту, спросила, не желает ли он получить Маата. Клиент завопил от восторга. Вот и все.
- Слишком просто, – Зина недоверчиво покачала головой. – Не верю ни единому слову.
- Твоя воля. Мне нечего добавить.
- Арланова, скажи, принц действительно так волосат, как о нем говорят?
- Почему тебя настолько волнует моя сексуальная жизнь? – Тоня близко подошла к Зине и заглянула в глаза: – Заботишься о моей репутации или завидуешь?

– Несмотря на то что за последние месяцы я сбилась со счета, сколько «женихов» звонило нам в офис, присылало тебе цветы-подарки, меня совершенно не беспокоит, кто именно и в каком количестве посещает твою постель.

– Тогда в чем дело?

– Не могу понять, что в тебе такого, отчего все мужики пишут себе в брюки, – с искренним удивлением произнесла Зина. – Даже мой Сафет закатывает глаза к небу, когда говорит о тебе. Боюсь, убью его, если еще раз увижу подобное.

– Все-таки завидуешь? – вступила в разговор Полина.

– Вероятнее всего, – подтвердила Зина, осматривая Тоню с головы до пят. – Молода, красива, богата. Отчего тебе так повезло?

– Компенсация за все то дерьмо, в котором пришлось вариться на протяжении многих лет, – с легкой усмешкой ответила Тоня. – Не желаю тебе подобного...

– Какая добрая! – присвистнула Зина, хлопнула себя ладошкой по бедру и бросила на Полину игривый взгляд: – И почему мне никто не оставил в наследство пару десятков миллионов евро?

– Потому что у тебя была хорошая семья, а не алкоголики. Ты никогда не убегала из родного города в чужую страну, боясь попасть за решетку. Тебя не домогались мужчины, считающие, что, кроме постели, ты больше ни на что не годишься. Над тобой не издевались женщины, которые думали о том же, что и похотливые мужики, но в более извращенной манере. Тебя ни разу не обзывали «русской проституткой», не смеялись в лицо, когда ты просила о помощи, и не насиловали в подвале. Поэтому радуйся, дорогая, что ты не получила миллионы тем путем, которым они пришли ко мне. Поверь, они не стоят тех слез, которые я пролила из-за них. – Тоня посмотрела себе под ноги и замолчала на несколько секунд, в течение которых Зина поражено хлопала ресницами и бросала на Полину красноречивые взгляды, говорящие о сожалении и замешательстве. – Кроме того, чтобы ощутить вкус богатства, надо понимать, для чего тебе нужны деньги. Я слишком долго была нищей, оттого и не имею понятия, как наслаждаться этими миллионами.

– Две минуты жалобных соплей, и я уже лежу на лопатках, – восхищенно пробормотала Зина. – Мне бы твои проблемы...

– Купить тебе квартиру?

– Почему бы и нет? – Зина заговорщицки подмигнула Полине, которая молчала, отстраненно прокручивая в мыслях слова Тони, вызывавшие в душе массу воспоминаний о том времени и обстоятельствах, когда они познакомились. – Ладно, предлагаю мировое соглашение.

– Условия?

Зина замаялась, и стало очевидным, что она никогда не задумывалась над истинными причинами своей нелюбви к Тоне. Следовательно, ее несносное поведение было пустой блажью и бесполезным капризом, ибо этому не было оснований.

– Без всяких условий. Просто дружба.

– Мне подходит, – Тоня тихо рассмеялась. – Чувствую облегчение, оттого что не нужно будет постоянно стоять в защите. Я устала держать оборону. Хочу покоя.

– Не обольщайся. Зина не умеет жить, ни с кем не воюя, – предупредила Полина, подошла к женщинам и обняла их за плечи. – Отметим удачную сделку, заодно ваше примирение? Шампанское?

В дверь постучались, и в кабинет вошла Виктория, веснушчатая девица, обожающая диеты, короткие юбки и высокие каблуки.

– Полина Сергеевна, – обратилась она к боссу и обиженно раздула ноздри, видя, как Зина скорчила мину, поглядев на ее худые коленки, – на первой линии с вами ожидает разговора мистер Патри.

– Спасибо, дорогая, – поблагодарила Полина и, подойдя к телефону, взяла трубку. Через несколько минут она повернулась к женщинам и с грустью улыбнулась: – Завтра лечу в Лондон. Нужно заказать билет.

– Вот и займись этим! – Зина направилась к двери. – Я за шампанским!

Едва она исчезла в коридоре, Полина подошла к Тоне и положила руки ей на плечи, заставив посмотреть на себя.

– Что Халед попросил взамен? Только не утверждай, что ничего, не поверю. Я с ним не раз сталкивалась и знаю, куда могут привести его фантазии.

– Неделю в его обществе.

– Это стоило того?

– Еще бы! Халед – потрясающий мужчина.

– На двадцать лет старше тебя. Женат, трое детей.

– Поля, мы ведь не в мужа и жену играли. Это неинтересно. А вот примерить на себя роль страстных любовников нам вполне удалось. Но обещаю, такого больше не повторится. Можешь не волноваться за репутацию компании.

– Принц – публичная персона, – с сомнением произнесла Полина. – Его постоянно пасут журналисты. Уверена, что ваши фото не появятся в газетах? Впрочем, если бы вас сняли вместе, мне об этом уже было бы известно.

– Вот и я! – провозгласила Зина, влетевшая в комнату с бутылкой в одной руке и бокалами в другой. – Вы знаете, барышни, кто по утрам пьет шампанское?

– Аристократы! – в унисон ответили женщины и рассмеялись.

– Ты надолго в Лондон? – спросила Тоня, отставив нетронутый бокал в сторону. – Мистер Патри... режиссер? Альберто Патри?

– Все верно. – Зина шумно отхлебнула и зажмурилась, когда пузырьки ударили ей в нос. – Длинный шланг с огромными очками на таком же огромном носу. Ноздри, как перепелиное яйцо. Лоб такой высокий, что на нем можно вертолет посадить. Инопланетянин чистой воды, но обаятельный и интересный. Может, он собирается снимать новый фильм и видит тебя в главной роли? – обратилась она к Полине, которая в ужасе расширила глаза. – Если не хочешь быть актрисой, подумай о других. Обо мне, например. Я не мыслю жизни без кино, а кинематограф пуст без меня. Пожалуйста, босс, замолви словечко!

Она плаксиво шмыгнула носом, а после расхохоталась, приведя в недоумение Тоню, которая окончательно запуталась, когда верить словам Зины, а когда, выслушав, делить их на тридцать два и после умножать на ноль.

Глава 2

Лондон занимал особое место в сердце Полины. Она обожала этот город и скучала, если они долго не виделись. Полине не хватало его легкой меланхоличности, интеллигентной многолюдности и толерантной многонациональности. Она тосковала по мягкому климату, тягучей, слегка заторможенной манере изъясняться и многому другому, что невозможно описать словами, лишь ощущать душой, безотчетно стремящейся к чему-то невообразимо теплomu и добромu. Конечно, Полина идеализировала Лондон, ибо люди имеют склонность приукрашивать те места, где с ними случалось много хорошего, забывая о мелких неприятностях и неудобствах. Полина уже совсем не помнила о том, как какой-то мелкий воришка вытащил из ее сумки портмоне с деньгами и карточками, а она обнаружила пропажу только в ресторане. Благо телефон остался в кармане пальто, что позволило позвать одного из братьев на помощь. Из памяти почти стерся и тот момент, когда ее приняли за проститутку. Случилось это в не самом благополучном районе, в котором находилась студия модного художника-маргинала, работы которого желал приобрести один из клиентов компании. Обидело не сравнение с «публичной барышней», а то, что ее способности оценили крайне низко. Неприятности с полицией, которые случались с Полиной в годы слишком бурной молодости, гибель первого мужа, пристрастие к алкоголю – все это произошло в Лондоне. Однако сейчас, по дороге из аэропорта в квартиру, которую она никак не решалась продать, все еще надеясь, что «московская ссылка» закончится и старший брат позволит вернуться в «лондонский офис», все забылось. В душе ощущалась лишь нежность к городу, который с искренней радостью встречал ее всякий раз, когда она приезжала в гости.

– Скучала? – спросил Алекс, увидев ее тоскливый взгляд, и резко перестроился в другой ряд машин. – Едва не свернул по направлению к себе домой, – объяснил он столь агрессивный маневр, от которого Полина нервно вжала голову в плечи. – Ну, расслабься. Как ты, сестренка?

– Счастлива и весела, – пробормотала Полина, разглядывая знакомую улицу, ее многочисленные магазинчики и кафе. – Ты прав, я соскучилась по этому месту. Но еще больше по тебе и Майклу. Хочу вернуться. Может, поменяемся на время?

– Я и Москва несовместимы. То, что я говорю с тобой по-русски, не значит, что я русский в душе.

– Я никогда не забывала о том, что ты еврей.

– Не о национальности идет речь, а о состоянии души. Я уже давно стал чопорным лондонцем...

– Не лги, твоему темпераменту позавидуют итальянцы, – скривила губы Полина, понимая, что Алекс занялся своим любимым делом – сладостной болтовней, призванной усыпить бдительность.

– Но я размышляю как европеец и веду себя как примерный капиталист, который пугается широты души, присущей вам, русским, – рассмеялся Алекс, припарковавшись у дома, где Полину на втором этаже ожидала уже год пустующая квартира. – Сдай кому-нибудь. Ты же целое состояние тратишь на ее содержание.

– Так и сделаю, – сказала она, выйдя из машины и осмотрев окна дома.

Алекс открыл багажник и вытащил легкий саквояж.

– Впервые вижу, чтобы ты приезжала налегке. Обычно везешь с собой два огромных чемодана, вне зависимости от того, на сколько собираешься остаться.

– Все меняется. Теперь для комфорта мне не нужно столько вещей, как раньше. Поднимешься?

– Нет. – Алекс обнял сестру за плечи: – Отдыхай, а в шесть я заеду за тобой. Отец и Бекка ждут нас к ужину. Вся семья соберется. Или у тебя другие планы?

– Завтра я буду занята, а сегодня абсолютно свободна. Сейчас приму душ, выпью кофе, а после сделаю рейд по магазинам. Заезжать за мной не стоит, я сама приеду к Фрейманам.

– Как скажешь. Почему ты прилетела одна?

– Может быть, ты хотел спросить, почему приехала я, а не Тоня? – Полина заметила смущение во взгляде Алекса, которому очень нравилась эта светловолосая, привлекательная девушка, и рассмеялась: – В следующий раз возьму ее с собой. Но, думаю, тебе ничего не светит.

– Тоня слишком юная и не представляет для меня интереса.

– Не моложе тех, имена которых записаны в твоей телефонной книжке. К тому же это не она, а ты не в ее вкусе. Если бы Тоня проявила хотя бы малейшую заинтересованность, ты уже давно просил бы Майкла отправить тебя в Москву, невзирая на страх перед широтой русской души.

– До вечера! – Алекс быстро прекратил неприятный для него разговор и открыл дверцу машины. – Ты меняешься, и не в лучшую сторону. Раньше была добрее ко мне.

– Люди всегда обижаются, когда слышат правду. А ты больше, чем все остальные.

Время до ужина Полина провела так, как и планировала. Сначала приняла душ и переоделась, потом спустилась в свое любимое итальянское кафе, находящееся рядом с домом, выпить чашечку эспрессо. Хозяин, синьор Марио, с искренней радостью поприветствовал ее и принялся рассказывать последние новости, думая, что Полина сгорает от нетерпения узнать о том, кто из ее соседей развелся, у кого умерла собака, а после похвалился новорожденной внучкой.

– У нас наконец-то появилась девочка! Такое счастье! А ты, bella, когда скажешь мне, что стала мамой?

Полина уже хотела ответить, что не создана для материнства, но вдруг вспомнила лицо Нины, дочери Литвина, и промолчала. Теплые ладошки, озорной смех и глупые детские шутки – Нина была очаровательным ребенком. Таковую дочь, как она, Полина не отказалась бы иметь. Когда она проводила время с девочкой, хотелось покупать бантики, платица, водить малышку в кафе, но все эти романтические ощущения исчезали, едва они расставались. Нина была вполне взрослой особой, уже готовым «экземпляром», который не требовал такой неустанной заботы, как младенец. А при мысли о том, чтобы вырастить такую же «красотку», уделять ей все свое время, забыв о собственных интересах и желаниях, становилось скучно и одновременно страшно. И все же именно Нина пробуждала в Полине женское начало, намекая на то, что время слишком быстро идет вперед, и через десять лет будет поздно задумываться о детях. Праздновать шестидесятилетие и одновременно отправлять сына в колледж казалось Полине по меньшей мере смешным. В шестьдесят нужно радоваться внукам, как это делает синьор Марио, уже пятикратный дедушка.

Из кафе Полина вышла в несколько подавленном настроении, однако быстро пришла в себя, обновляя гардероб и покупая подарки для близких. В пять она вернулась домой, оставила многочисленные пакеты в гостиной и, прихватив коньяк для отца братьев и любимые Ребеккой, их мачехой, сигары, вызвала такси. А уже ровно в шесть позвонила в дверь двухэтажного особняка на Kensington Palace Gardens.

Эта небольшая улица считалась самым богатым местом в городе, где на каждый квадратный метр приходилось по три миллионера. Марк Фрейман и его жена Ребекка Хейз, несомненно, были богаты. Но вряд ли решились бы приобрести дом в этом месте ввиду того, что цены на «скромные» особняки переваливали за несколько десятков миллионов фунтов стерлингов. К счастью, им не нужно было этого делать, так как Бекке дом достался в наследство от отца, предки которого приобрели его еще в конце девятнадцатого века. Несколько раз ей поступали предложения продать «родовое гнездо», но она высокомерно отказывалась, даже не посчитав нужным услышать сумму, которую предлагали за особняк.

Именно в этой аристократичной обстановке, в окружении роскоши и выросли братья Полины, а также их сводная сестра Моника, дочь Ребекки. Поэтому вовсе не удивительным было то, что все трое имели особое отношение к жизни. В таком месте воспитывались люди, осознающие свою исключительность, отчасти надменные, порой напыщенные и никогда не забывающие о том, что являются любимчиками судьбы, перед которыми остальные, менее удачливые, должны склонять головы и беспрекословно подчиняться. Конечно, характеристика эта была несколько преувеличенной, однако все качества, присущие людям «высшего круга», в той или иной мере находили отражение в поведении старших братьев Полины. Они не родились аристократами, но благодаря тому, что их отец, «хитрозадый» еврей-эмигрант, удачно женился на дочери лорда, вдове крупного бизнесмена, смогли приобщиться к «высшим сферам» лондонского общества. Майклу и Алексу необычайно повезло воспитываться в этой крепкой и любящей семье. И пусть они редко видели свою родную мать, нежного отношения Ребекки им вполне хватало.

Фрейманы и Хейзы обожали друг друга. И хотя часто их любовь ставилась под сомнение взаимными насмешками и острыми шутками, они всегда готовы были прийти на помощь. Иногда Полина жалела о том, что ее матерью являлась Елизавета Карловна. Ребекка намного лучше справилась бы с этой ролью, считала она, да и Марк проявлял к дочери своей бывшей жены гораздо больше нежности и внимания, чем родной отец.

Полина редко кому-либо рассказывала о своей семье, уж слишком ветвистым и колючим было ее генеалогическое древо. Конечно, все было не так сложно, как казалось на первый взгляд, однако и не столь просто и прозрачно, как у «обычных» семей, не обремененных таким количеством непохожих друг на друга родственников. Ближайший круг Полины делился на два лагеря, которые если и не враждовали между собой открыто, то постоянно находились в состоянии тихой непримиримой вражды. Причем неприязнь в основном исходила от отца Полины, который так и не научился лояльно относиться к прошлому своей супруги, дико ревнуя ее не только к Марку, но и к сыновьям, что выглядело нелепо и удручающе.

К первому лагерю относились Фрейманы, во главе которых стоял Марк – первый муж Елизаветы Карловны. У них было два сына: Михаил, которого привыкли называть Майклом, и Александр, давно ставший Алексом. Причины, побудившие Елизавету Карловну бросить мужа и детей, никогда не озвучивались вслух, однако всем было известно, что «красотка Лизетт», так называл свою бывшую жену Марк, оказалась весьма страстной натурой, которая не задумываясь оставила «старую» семью ради новой любви. Ею оказался почтенный командор второго лагеря – Сергей Дмитриевич Никифоров, разительно отличающийся от первого мужа своей обожаемой «Лизоньки». В нем абсолютно отсутствовали мягкость и дипломатичность, присущие Марку, он обладал тяжелым, вспыльчивым характером, который полностью передал одной из своих дочерей, младшей сестре Полины, Екатерине. Катя была любимицей как отца, так и матери, что еще больше испортило ее и без того стержневую натуру. Сестры не были дружны, и в этом Полина винила родителей. Непонятно по каким причинам, но они наделили младшую дочь особым «звездным» статусом, в то время как старшей всегда оставались недовольны. Полина в их глазах была «неудачным экспериментом», зато Катя являлась ребенком, совершенным во всех отношениях. Кроткая или жесткая, в зависимости от обстоятельств, Екатерина тонко и коварно управляла всеми «домашними», ловко «водя за нос» Сергея Дмитриевича, искренне полагающего, что является главой семьи. Она получала все, что желает, при этом злобно насмехалась над старшей сестрой, с мнением и положением которой абсолютно не считались. Полина стояла особняком, нося статус «главного неудачника» семьи Никифоровых. Катю же всегда необоснованно восхваляли и возвеличивали. Училась она, как считали родители, прилежно, на самом же деле с трудом окончила университет. Карьеру сделала впечатляющую, что, впрочем, не помешало ей практически разорить фирму отца. Замуж вышла удачно, однако муж ее не любил, да и сама Катюша «посматривала» на других самцов.

Вся ее короткая жизнь была мишурой и обманом, жаль только, что родители этого не замечали. Они обожали свою «идеальную принцессу», при этом заставляли Полину страдать от невнимания и плакать каждый раз, понимая, что она никогда не сможет дотянуть до «уровня» сестры. Лишь после смерти Кати все изменилось. Трагическая смерть младшей дочери, которую застрелил ее же любовник, сделала родителей мягче. Теперь они искали любую возможность, чтобы наладить отношения с Полиной, однако при этом прекрасно осознавали, что времени потеряно слишком много и вернуть то, чего никогда не было, не получится. Полина не могла простить их за безразличие и за любовь, прошедшую мимо нее. В своей родной семье она чувствовала себя сорняком, который растет рядом с прекрасной розой. Но теперь, когда роза погибла, сорняк вдруг начал благоухать. «Поздно бить в барабаны». Кажется, так сказала Зина, которой Полина жаловалась на повышенное внимание родителей. Тот разговор заставил Полину улыбнуться, ибо ей также вспомнилась цветистая брань, которой Зина без особого смущения наградила Елизавету Карловну и Сергея Дмитриевича.

– Детка, ты, как всегда, пунктуальна, – Ребекка пропустила Полину в дом. – Здравствуй, дорогая.

– Я первая? – Полина бросила быстрый взгляд в сторону гостиной и ответила на крепкие объятия. – Это тебе и Марку, – она протянула пакет с подарками.

– «Montecristo»! – с детской радостью воскликнула Ребекка, вытащив коробку с сигарами. – После ужина раскурим? Только не отказывайся. От хороших сигар, как от хорошего мужчины, нельзя отказываться. Грех.

– Когда это ты поверила в бога?

– В тот самый миг, когда я появился в ее жизни, – ответил Марк вместо жены, которая, услышав эти высокопарные слова, громко хмыкнула.

– Мистер Фрейман, – рассмеялась Полина, – ты, как всегда, скромн и учтив.

– С кем поведешься, так тебе и надо.

Фраза была сказана на русском, чтобы значение ее поняла только Полина. Ребекка прислушалась, став похожей на подозрительную курицу, что еще больше рассмешило Полину.

– Когда-нибудь я выучу русский, – пригрозила Бекка, взмахнув пальцем, на что Марк закатил глаза к потолку и поднял ладони вверх.

– Не дай боже! – проговорил он. – Иначе этому браку придет конец.

За ужином большое семейство, перебивая друг друга, делилось новостями, едко шутило и громко смеялось, когда язвительные замечания метко попадали в цель. К счастью, этим вечером жена старшего брата Полины отсутствовала, сославшись на неважное самочувствие, иначе своим кислым видом она не вписывалась бы в непринужденную атмосферу. Нелли относилась к категории людей, которые оставались недовольными любым раскладом вещей. Все жалели Майкла, который делал вид, что семейная жизнь его вполне устраивает, и боялись, что он станет таким же, как жена: вечно ноющим о несуществующих проблемах, постоянно болеющим и скучающим. В семье уже давно делали ставки, как скоро Майкл дойдет до той точки, когда терпение лопается и вся злость вырывается наружу. Самому Майклу об этом не было известно, во всяком случае, так думали остальные и ошибались, потому что Полина случайно проболталась о немалом выигрыше, который намеревалась положить себе в карман. Майкл не обижался на родных за подобные игры и усмехнулся дружному стону облегчения, который последовал за его словами о грядущем разводе.

– Итак, подведем итог. – Алекс внимательно оглядел присутствующих. – У нас в семье два убежденных холостяка, – он указал на себя и сводную сестру Монику, высокую блондинку, которая широко улыбнулась ему. – И два разведенных, которых, бьюсь об заклад, жизнь ничему не научила, и они еще раз попытаются связать себя узами брака...

– Великолепное остроумие, – перебила Полина брата, который, произнося эту фразу, смотрел именно на нее. – Я не считаю, что брак – это плохо. Напротив, это восхитительно.

Спроси у родителей, если мне не веришь. – Она увидела краем глаза, что Ребекка сжала руку Марка. – Я бы многое отдала за такие отношения, как у них.

– Считаешь, мама ни разу не думала о разводе? – вступила в разговор Моника.

– Никогда! – с жаром воскликнула Ребекка, что вызвало новый прилив смеха. – Порой с ним невыносимо сложно. Но без него еще хуже.

За столом воцарилось молчание, ибо Марк послал жене полный обожания взгляд, от которого всем стало неловко. Полина смутилась больше всех, потому что в этот момент вспомнила о Литвине и подумала, будет ли он смотреть на нее так же после двадцати лет брака.

Тут же она отругала себя за неумную фантазию и напонила о двух предыдущих неудачных замужествах. Впрочем, первое было вполне счастливым, только слишком коротким. Полина нежно любила мужа, который погиб нелепой, случайной смертью, сев за руль в нетрезвом состоянии. Зато второй брак смело можно было назвать провальным. К Люку Полина никогда не испытывала чувств, и сейчас она удивлялась, зачем вообще выходила за него замуж. Но в тот момент, когда он предложил стать его женой, не нашла причины отказать. Люк Матуа восхищал ее своими личностными качествами, однако как мужчина не смог «зацепить», несмотря на то что очень старался. Наверное, это отчаянное стремление стать единственным и самым лучшим и оттолкнуло Полину. Люк «задушил» ее своим обожанием, которое со стороны любимого мужчины приносит огромное наслаждение и невероятно раздражает, если исходит от того, кого не любишь. Порой Полина удивлялась своей холодности к мужу, который не заслуживал подобного отношения. Он был восхитительным мужчиной, впрочем, и сейчас им остается. Умен, богат, привлекателен и, как сказала бы Зина Михайлова, являлся выигрышной комбинацией. Однако, имея на руках «рояль-флэш», Полина проиграла, и виной всему была ее чувственная натура, доставшаяся в наследство от матери. Так, не любя мужа, она пыталась утолить жажду страсти «на стороне». Мужчин в ее жизни было много, большинство из них не оставило особого следа, но некоторые выжгли свое имя в памяти огромными буквами. Ради одного из них Полина поставила точку в своем неудачном замужестве, но надежды обрести с этим мужчиной счастье не оправдались. Разочарование поразило горечью, не менее противными на вкус были последующие увлечения, которые также принесли одни лишь страдания. Потом она встретила Литвина. Конечно, обстоятельства их знакомства не были радужными, наоборот, сопряжены с трагедией, ибо младшая сестра Полины погибла незадолго до этого. И все же Филиппа Полина с уверенностью могла назвать одной из самых значимых фигур в своей жизни, так как он не раз протягивал ей руку помощи, выручал из, казалось бы, безвыходных ситуаций, когда уповать можно было только на Всевышнего. Но любила ли она его? Вероятно, да. Однако в ее чувствах не было страсти, скорее это была тихая привязанность, которая все же могла стать основой для крепких и стабильных отношений, наполненных уважением и нежностью.

– Полина! – услышала она свое имя и посмотрела на Алекса, который поднял бокал. – Очнись, дорогая!

– Что я пропустила?

– Предлагаю выпить за родителей! – торжественно провозгласил Алекс, получив благодарную улыбку от Ребекки.

Полина почувствовала небывалый прилив нежности к этим людям. Такие разные внешне, но вместе с тем похожие характерами, они вызывали массу чувств, главным из которых была радость оттого, что она является частью их жизни. Обходительный и хитрый Марк, черноволосый сухопарый еврей, умеющий одним словом выразить всю суть человека, едва посмотрев на него. Ребекка, женщина с железной волей и таким же стойким характером, образ которой не менялся на протяжении последних десяти лет. Все та же аристократичная худоба, простое каре и неизменные строгие брючные костюмы – такой она останется до глубокой старости, только морщин на лице прибавится, а язык станет еще более острым. Импульсивная, но безгранично

добрая Моника, вечно ищущая себя в этом мире и часами рассуждающая о смысле жизни, художник-писатель-философ и просто забавная особа. И, наконец, братья. Высокий и привлекательный Алекс, светлоглазый, загорелый, считающий себя неотразимым героем-любовником, к тому же обладающий чувством юмора. А также надменный Майкл, полная копия своего отца в молодости, такой же смуглый, черноглазый, похожий на жука-богомла. Как получилось, что они, имея столь разное отношение к жизни, сумели создать такой тесный семейный круг, в котором каждый ощущал свою ценность? Полина не сомневалась в том, что подобная сплоченность была заслугой исключительно одного человека – Ребекки. Именно она являлась ядром, «центром управления» семьи, который терпеливо обучал всех остальных, как нужно любить друг друга. Где Бекка научилась этому, можно было лишь предполагать. Впрочем, данный факт уже не имел значения, важным оставалось лишь то, что она приложила немало усилий, подарив своим родным максимум свободы, любви и одновременно внимания.

– Когда возвращаешься? – после ужина спросил Майкл, отвозя Полину на ее квартиру.

– Завтра встречаюсь с клиентом, наверное, завтра же и улечу домой. Здесь у меня больше нет дел.

– «Домой»? – с хитринкой в голосе переспросил Майкл.

– В Москву, – поправила Полина, ущипнув брата за колено. – А когда ты вернешь меня в Лондон?

– Нескоро, – не стал лгать Майкл. – Под твоим руководством сектор начал нести золотые яйца. Поэтому с моей стороны будет глупо искать замену столь талантливому управленцу. С кем завтра встречаешься?

– С Альберто Патри.

– Из кого-то нужно сделать актрису?

– В этом случае я сама искала бы встречи с ним.

– Получается, он вызвал тебя?

Полина утвердительно кивнула и сменила тему разговора:

– Ты уверен в том, что делаешь?

– Если ты говоришь о моем решении развестись, то – да. Полностью. – Брат поджал губы, явно намекая на то, что дальнейшие вопросы излишни.

– У тебя появилась другая?

– Что? Нет! Просто наши отношения изжили себя, и мы больше не можем находиться рядом. Надоели истерики и скандалы.

– Не знала, что все так плохо. Вернее, знала, что Нелли тот еще псих, но не думала...

– Не ты ли предложила сделать ставки, сколько продлится наш брак?

Полина в деланом возмущении расширила глаза и вдруг рассмеялась:

– Я! Однако мне не стыдно.

– Кто бы сомневался, – проронил Майкл, остановив машину. – Если решишь задержаться в городе, дай знать. Мы с Алексом составим тебе чудную компанию.

Поздним вечером Полина долго не могла заснуть, представляя, какой была бы ее жизнь, родись она в семье Фрейманов. Измученная размышлениями и пустыми фантазиями, под утро Полина забылась тяжелым сном. Когда прозвенел будильник, она с трудом открыла глаза, ощущая невероятную усталость во всем теле, которое умоляло снова вернуться в постель, коварно нашептывая, что времени до встречи достаточно для того, чтобы немного полежать. В следующий раз она открыла глаза уже в одиннадцать и, громко возмущаясь, побежала в ванную.

На встречу с клиентами Полина всегда приходила раньше условленного времени. Это давало возможность собраться с мыслями, оценить окружающую обстановку и почувствовать себя хозяйкой положения. Тот, кто встречает, всегда занимает более важную позицию, нежели тот, кто приходит вторым. Это определяется на подсознательном уровне, вне зависимости от того, как складывается ситуация на самом деле. Полина часто пользовалась этим приемом,

желая продемонстрировать свою значимость. Она любила быть ведущей в разговоре, но иногда случались «проколы». Такое происходило, если клиент носил на голове «корону», считая мир своей собственностью, а окружающих людей – подданными, обязанными с придыханием ловить каждое его слово. Подобных индивидуумов среди заказчиков «VIP-life concierge» было немало, но в большинстве своем все эти «монархи» проявляли учтивость по отношению к тем, кто удовлетворял их желания.

Агентство «VIP-life concierge» было хорошо известно в кругах, где высоко ценилась власть денег. А имя Полины Матуа и ее братьев, владельцев компании, знало большинство из тех, у кого имелись крупные счета в банках. Смеясь, Полина называла «VIP-life concierge» бюро добрых дел, потому что оно доставляло массу приятных эмоций людям, которые, в свою очередь, были готовы платить за все хорошее, что происходит в их жизни. Отпуск в компании актрис-моделей, приглашение на именины поп-звезды, беседа о мироздании с Далай-ламой за чашечкой чая, встречи с другими не менее важными персонами, эксклюзивные подарки, развлечения, путешествия – тот немногий список желаний, который Полина, как волшебник, претворяла в реальность. Она вообще на многое была способна. В этом, во всяком случае, не сомневались те, кто обращался к ней за помощью. Таких было немало, ибо деньги любят, когда их тратят, но в особенности они благодарны своим хозяевам, если их тратят с чувством и азартом.

За долгие годы в «VIP-life concierge» Полина многое видела и уже ничему не удивлялась. Поэтому, когда к ней обращались с очередным заказом, быстро оценивала его по шкале сложности от одного до десяти, и если цифра была меньше пяти, перенаправляла своим помощникам. В остальных же случаях бралась за дело сама. Простые услуги уже не увлекали ее, хотелось чего-то более интересного и сложного. Зина называла это издержками профессии. «Сначала ты радуешься тому, что сумела организовать встречу с какой-нибудь «звездулкой», потом с королевой, а дальше с кем? С ним?» – она указывала рукой в небо. В последнее время Полина поняла, что начала скучать. Она спокойно делала то, что раньше ей казалось невыполнимым, и втайне мечтала об эксклюзиве. Вот и сейчас, ожидая в ресторане отеля «The Dorchester» появления Альберто Патри, известного американского режиссера, Полина хотела, чтобы он поразил ее.

С мистером Патри Полина познакомилась шесть лет назад, когда выполняла заказ клиента, мечтавшего видеть свою молоденькую любовницу на экранах кинотеатров. Альберто согласился предоставить девушке небольшую роль в фильме в обмен на финансовую поддержку своего нового проекта. Таким образом, удовлетворены были обе стороны, но больше всех повезло самой барышне, которая после выхода фильма бросила старого и надоевшего любовника, уехала в США, где сделала головокружительную карьеру и теперь часто появлялась в фильмах известных режиссеров. О том, как она попала в кино, девица даже вспоминать не желала и делала вид, что всего добилась собственными силами. Бывший любовничек, разумеется, молчал, дико боясь, что ревнивая жена узнает о его похождениях. Зато Полина прекрасно помнила, кто именно помог взойти на олимп славы этой заносчивой диве, чем не раз пользовалась. За это «звезда» ненавидела Полину, но никогда не отказывала в просьбах, таких, как поужинать с клиентом «VIP-life concierge», достать приглашения на вечеринку *celebrity* или поздравить с днем рождения какого-нибудь европейского толстосума. Разумеется, за подобные услуги актриса получала щедрое вознаграждение, что ее и радовало, и бесило одновременно, так как, несмотря на высокий статус, в глазах многих она осталась лишь разменной монетой.

– Ты, как всегда, прекрасна! – восхищенно проговорил Альберто, заставив Полину подняться с места.

Она, торопливо собираясь на встречу, все же постаралась выглядеть как можно лучше в глазах мужчины, умеющего замечать мельчайшие детали и колко указывать на недостатки, если такие имелись. Короткое темно-синее платье оттеняло цвет глаз и плотно облегало

фигуру, демонстрируя ее стройность. Собранные на затылке волосы и минимум макияжа подчеркивали свежесть лица. Простые украшения делали образ изящным, почти воздушным. Полина выглядела просто и элегантно. Именно так, как любил Альберто, высказывание которого о том, что женщину, которая носит джинсы, пьет пиво и раскрашивает лицо, как индеец, готовящийся к войне, сложно назвать женщиной, знал почти весь мир.

Зато сам великий режиссер, придирчиво рассматривающий лица окружающих его людей, порой выглядел как «городской сумасшедший». Часто он носил пиджаки не по размеру, со слишком короткими рукавами и брюками, в которые можно было посадить еще одного такого же худосочного гения. Шляпы, огромные очки, плащи странного кроя – таким был стиль мистера Патри, называющийся в СМИ эклектичным либо богемным. Впрочем, внешний вид Альберто удачно гармонировал с его внутренним миром, поэтому он не выглядел смешным, наоборот, каждый, кто смотрел на него, понимал, что видит перед собой человека, принадлежащего миру искусства. Речь его была отрывистой и настолько быстрой, что нужно было сильно концентрироваться, дабы не упустить смысл сказанного. Но иногда Альберто представлял в ином образе: энергия будто уходила из него, он превращался в сморщенный носок, вялый, нудный, вызывающий жалость. Благо, что подобное случалось нечасто, лишь в те моменты, когда он заканчивал какой-либо важный проект и искал в себе силы приступить к новому. «Стереотипная фигура» – так охарактеризовала мистера Патри Полина и была абсолютно права, потому что, глядя на него, любой безошибочно догадался бы, с кем имеет дело.

Альберто снял шляпу, а после задумчиво погладил огромный лоб:

– Дорогая, я нахожусь в затруднительном положении. Нужна помощь.

– Слушаю, – улыбнулась Полина, присев напротив упавшего на диванчик гения.

– Ты ведь знакома с проститутками...

Альберто замолчал, видимо, ожидая ответа, даже не заметив, что на Полину, которой была адресована столь пикантная фраза, с интересом начали поглядывать посетители ресторана, ибо режиссер даже не потрудился понизить голос.

– У тебя проблемы в личной жизни? – Полина взяла в руки меню и, прикрыв лицо папкой, рассмеялась. – Боже, Альберто, говори тише. Люди думают, что я бандерша.

– Кто? – Альберто приподнялся на локте и с безразличием, будто зал был пуст, огляделся. – Ты их знаешь?

– Нет.

– Тогда наплюй! Какая разница, что подумают о тебе те, кого ты видишь в первый и последний раз?

– Зачем тебе понадобились дамы легкого поведения? И стоило ради этого прилетать сюда? В Америке их не меньше, чем в Европе.

– Мне нужна особенная. Такая есть только здесь.

Полина потянулась к сумочке за телефоном, но остановилась, услышав продолжение:

– Я хочу, чтобы ты организовала мне встречу с мадам Кристин.

– Именно с ней? – усмехнулась Полина, скрестив руки на груди. – Почему же, дорогой, ты начал разговор не с той стороны? О проститутках расспрашивал... Мадам Кристин, как говорят, не занимается проституцией, она продает красоту.

– Да, конечно, – забавно хихикнул Альберто и, почесав длинный нос, нависающий над губой, вдруг стал серьезным: – Я и моя команда уже девять месяцев работаем над сценарием о шлюхах... вернее, о тех, кто торгует красотой. Четырнадцать раз переписывали! – он хлопнул ладонью по столу. – Съёмки начнутся через два месяца здесь, в Европе. А моя главная героиня какая-то пластилиновая. Я знаю, что роль прописана хорошо, но актриса не вытягивает ее.

– Замени, – тоном знатока рекомендовала Полина. – Кто, кстати, примерит на себя эту роль? О! – поджала она губы, услышав имя. – По мне, так в этой даме слишком много секса.

– А еще спесивости и амбиций! Но не в ней дело. Вернее, в ней, в актрисе, и в ее образе. Студия не хочет и слышать о замене, считая, что именно она принесет кассовые сборы. Не я, тот, кто придумал этот чертов проект, а эта девица! В общем, образу не хватает реалистичности. Придумать я могу все, что угодно, но напитать картинку жизнью...

– Насколько мне известно, имя мадам Кристин отсутствует в телефонных справочниках и об ее деятельности не принято говорить открыто. Откуда ты узнал о ней?

– Просили не выдавать тайну, – Альберто виновато шмыгнул носом. – Я пробовал сам найти ее, но...

– ...не смог, – закончила фразу Полина. – Чтобы иметь доступ в салон мадам Кристин, одного известного имени недостаточно. А почему тебе не помог тот человек, который рассказал о ней?

– Он категорически отверг такой вариант. Я и сам был удивлен, но не стал уточнять причины. Так ты поможешь? Познакомишь нас?

Полина задумалась, каким образом устроить встречу с дамой, которую никогда не видела. В «VIP-life concierge» нередко обращались в салон мадам, но никогда Полина не говорила напрямую с госпожой Кристин. Более того, обычно о встречах клиентов «VIP-life concierge» с барышнями, которые славились особой красотой и умом, договаривалась не она, а Мануэль Бийо, управляющий парижским филиалом агентства, так как главный салон мадам находился в столице Франции. Были и другие, в Нью-Йорке и здесь, в Лондоне, но Полина не только не знала, как связаться с управляющими, но даже не имела представления, кто именно руководил этим процессом. А все потому, что стеснялась решать вопросы, которые казались ей слишком интимными и гадкими, поэтому перекладывала подобные заказы на братьев или Мануэля.

– Не понимаю, чем она тебе может помочь?

– Хочу, чтобы моя актриса посмотрела, как на самом деле должна выглядеть содержательница борделя. Она ведь особенная.

– Твоя актриса? – серьезным тоном спросила Полина, однако едва сдерживала улыбку.

– Мадам Кристин, – постучал пальцем по столу Альберто.

– Я не думаю, что она согласится на эту встречу. Как ты понимаешь, ее бизнес...

– Да-да-да, я все понимаю. Тайна, конспирация и так далее, – как ребенок, пропел Альберто и схватил Полину за руку: – Помоги! Я в долгу не останусь. Ты меня знаешь. – Он понизил голос: – Возможно, этот фильм будет лучшим в моей карьере.

– На кинопремию метишь?

– На то, чтобы остаться в истории, – ответил Альберто, и Полина поняла, что он не лукавит. – Картина должна быть достоверной. Если я не увижу ее, эту мадам, то не пойму, правильный ли образ создал. Если ошибусь, зритель мне не поверит.

– А когда ты снимал фильм об убийцах, тоже встречался с маньяками и извращенцами?

– Целый год преступников в тюрьмах навещал! Меня уже в некоторых заведениях за своего принимают. Помоги! – повторил он и принялся целовать руки Полине.

– Постараюсь, – смеясь, пообещала она и тут же со злобой подумала о том, что ее мечты об эксклюзиве исполнились. – Закажем обед?

– Нет, я не голоден, но с удовольствием посмотрю, как ты ешь. Можно многое сказать о характере женщины, глядя, как она держит нож в руке.

– Этому тебя в тюрьме научили – понимать тонкости женской природы?

Полина хлопнула Альберто по плечу и, позвав официанта, расплатилась за чай, который заказывала, также добавила щедрые чаевые за то, что они с чудо-режиссером напрасно занимали столик.

– Я остаюсь в Лондоне, буду ждать твоего звонка.

– Мадам живет в Париже.

– Я прилечу, как только ты устроишь нашу встречу. – Альберто посмотрел на такси, подъехавшее к входу в отель.

– Уезжай, – разрешила Полина и усмехнулась, глядя на то, как эта длинная цапля метнулась к машине.

Несколько минут она просто стояла, рассматривая улицу и обдумывая, с чего начать, чтобы удовлетворить просьбу Альберто, который, кстати, не озвучил, как именно будет платить. Потом вздохнула и позвонила Зине.

– Какие планы на ближайшие дни? – спросила она, улыбнувшись внезапно пришедшей в голову мысли. – И когда ты наконец выйдешь замуж? Предложение тебе сделали полгода назад, а ты все еще «не жена».

– Хрен его знает! Это ответ на оба вопроса.

– Тогда давай встретимся завтра в Париже, обдумаем, как ускорить свадьбу, заодно устроим девичник. Заказывай билеты для себя и Тони, а после сообщи мне номер рейса. Я вас встречу.

Глава 3

– Когда ты позвонила и сказала, что прилетишь, я не поверил. – Мануэль крепко сжал Полину в объятиях. – С нетерпением ждал сегодняшнего дня. Черт! Мы же почти год не виделись.

– Ты не изменился за этот срок. – Полина погладила мускулистые плечи мужчины, который являлся не просто коллегой, но в первую очередь верным другом. – Такой же лысый и огромный. Бороду остричь не думал?

– Избавлюсь от бороды, и на меня перестанут обращать внимание.

Полина улыбнулась в ответ на это замечание, так как оно явно не соответствовало действительности, ибо Мануэля среди толпы выделял не волосатый подбородок, а великанский рост, покрытые татуировками стальные мышцы на руках и отполированный бритвой череп. Да и гардероб месье Бийо явно не располагал к тому, чтобы слиться с окружающими. Майки, туго обтягивающие мощную грудь, жилеты, кожаные брюки и неизменный шлем, который он всегда носил с собой.

– Ты решил привезти меня в отель на мотоцикле?

– Я собирался посадить тебя в такси и двигаться следом за машиной.

– Почему я удивляюсь? В этом мире нет такого человека, ради которого ты изменишь свои привычки. Идем, выпьем кофе. – Полина посмотрела на часы. – Девочки прилетят через два часа, поэтому нет смысла ехать в отель, а после возвращаться.

– Если честно, я весь в нетерпении. Хочу увидеть, такие ли твои подруги, какими ты их описывала. Но... – Мануэль вдруг застенчиво замаялся, – мне тебя очень не хватало. Телефонных разговоров слишком мало, и я скучаю по прежним временам, когда нас не разделяли тысячи километров и в день можно было видеться столько раз, сколько пожелаешь.

– И я, – эхом отозвалась Полина, чувствуя грусть в душе, – многое отдала бы, чтобы вернуться назад.

– В какой именно момент? – Мануэль подхватил саквояж подруги в одну руку, второй обнял ее за плечи и повел к ближайшему кафе, откуда неслись приятные запахи кофе и сладостей.

– Наверное, в тот день, когда впервые встретилась с Люком, – сказала Полина, подумав о своем бывшем муже. – Я бы сделала все, чтобы наше знакомство не продолжилось. Сейчас, оглядываясь назад, я вижу, что кавардак в моей жизни начался с его появлением.

– Ты преувеличиваешь. Люк не был настолько плох. Просто ты явно не подходила ему, отсюда и вытекает причина вашего развода, а также неразбериха во всем остальном.

– Я?!

– Не вижу смысла говорить об этом. Вы давно живете разными жизнями, любите других...

– Интересно, кого он сейчас выгуливает? – Полина покраснела, заметив насмешку в глазах Мануэля. – Чувство собственности разыграло, – начала оправдываться она. – Неприятно думать о том, что он может любить другую женщину. Я знаю, что он регулярно крутит романы, об этом пишут в газетах. Думала, мне будет все равно. Но каждый раз, когда я узнаю о его похождениях, готова рычать от злости. Сама не знаю почему. Может, потому что все еще люблю?

– То есть, находясь в браке, ты мечтала избавиться от Люка, а после развода, осознав, что теперь он тебе не принадлежит, вдруг воспылала страстью?

– Это не страсть, а нечто другое.

– Но и не любовь, а, как ты правильно заметила, чувство собственности. Люк был и навсегда останется важным человеком в твоей жизни. Неудивительно, что ты думаешь о нем.

– Я не думаю. Вернее, думаю, но редко.

– Потому что твои мысли заняты другим. Расскажи о нем. Нет! Меня он не интересует. Я хочу лишь знать, счастлива ли ты с ним?

Полина замолчала и посмотрела на девушку-официантку, остановившуюся у их столика.

– Эспрессо, пожалуйста.

– Апельсиновый сок и ванильный кекс. – Мануэль подвинул свой стул близко к Полине и наклонился, словно приготовился слушать нечто таинственно-важное. – Рассказывай, что происходит в твоей жизни.

– О! – протяжно вздохнула Полина, дотронувшись лбом до его плеча. – Такое чувство, будто не расставались.

Мануэль усмехнулся и долго, не перебивая, слушал о последних событиях в жизни Полины и, главное, о Литвине, которого она красочно описывала, стараясь не упустить ни одной детали.

– Порой я считаю себя воровкой, которая украла чужое счастье.

– Поля, – перебил Мануэль, – ты слишком много размышляешь над тем, правильно ли поступаешь. И, как всегда, ошибаешься.

– В своих поступках?

– В том, что чересчур серьезно воспринимаешь вещи, к которым нужно относиться с максимальной легкостью. И наоборот. Там, где стоит напрячься, ты опрометчиво расслабляешься и теряешь контроль над ситуацией.

– Не знаю, что сказать. – Полина отвернулась в сторону и принялась рассматривать посетителей кафе, словно в их лицах стремилась найти ответы на вопросы, которые казались ей неразрешимыми. – Еще два дня назад я думала, что моя жизнь, наконец, начала налаживаться.

– А сегодня вдруг поняла, что ошибаешься? Не понимаю, отчего ты мучаешь себя?

– Наверное, я отвыкла от эмоциональных встрясок, поэтому и переживаю. Последний разговор с Литвиным выбил меня из колеи.

– Так тебе хорошо или плохо? – Мануэль улыбнулся официантке, принесшей заказ, и с наслаждением вдохнул аромат ванильного кекса.

– Хорошо, – уверенно резюмировала Полина. – Спокойно. Литвин надежный, интересный. С ним весело. К тому же я обожаю его дочь. В общем, я привязалась к ним обоим.

– Это любовь? Или ты просто привыкла к ним?

– Любовь, – уже не столь уверенно произнесла Полина. – И привычка, – усмехнулась она. – Прекрати пытаться меня!

– Я лишь хочу помочь тебе разобраться с тем, что тебя волнует, – ответил Мануэль, быстро расправляясь с небольшим кусочком кекса. – Иначе ты снова запутаешься. Литвин – тот мужчина, с которым ты хочешь быть? Отвечай быстро!

– Отстань!

– Вот и ответ. Вы встретились в тот момент, когда ты остро нуждалась в помощи. Потом ты неосторожно влюбилась в него, так же быстро разлюбила и вспылала страстью к Конраду. А когда коварный Конни, как и многие другие, подобные ему, обманул тебя, решила, что проще иметь рядом мужчину, на которого можно положиться, чем страдать. И снова возобновила отношения с Литвиным. Теперь вы почти живете вместе, ты привязалась к его дочери, успокоилась, расслабилась и поверила в то, что это и есть счастье. Но все же где-то внутри испытываешь дискомфорт, не в состоянии понять, действительно ли он нужен тебе или ты просто прячешься за его спину, боясь посмотреть в лицо своим страхам.

Полина напряженно задыхалась, услышав имя мужчины, о котором долгое время старалась не думать. Порой его яркий образ всплывал в мыслях и долго не желал их покидать, внося в душу разлад и сомнения. Тогда она призывала на помощь всю свою волю, напоминая о том, как грязно Конрад повел себя с ней и Тоней. От его коварных действий больше всего постра-

дала Тоня, которая до сих пор не желала говорить о событиях, произошедших с ними обеими в Мюнхене.

Вспомнив, какое неукротимое влечение испытывала по отношению к нему, Полина покраснела. Казалось, оно поглотит ее всю без остатка, безжалостно заберет дыхание, заставит кровь остановиться или же закипеть от напряжения. Такие острые, ни с чем не сравнимые чувства вызывал в ней лишь один человек, ради которого она бросила Люка. Они даже чем-то были похожи, не только обольстительной внешностью, но и характерами. Оба сильные и безжалостные. Подлые, самодовольные мерзавцы, которые беззастенчиво использовали ее для своих целей.

Любовником Конни был таким же горячим, однако и коварство его оказалось не менее обжигающим. Именно жестокость и потушила страсть в сердце Полины. Теперь она думала о нем лишь с ненавистью и злобой, и все же где-то внутри при звуках его имени загорался огонь, тело обдавало жаром, а на душе становилось тревожно.

– Зина считает, что Литвин – самый подходящий для меня вариант, – задумчиво облизав губы, сказала Полина.

– Не похож на тех авантюристов, в каких ты привыкла влюбляться? Если так, то тебе вскоре станет скучно рядом с ним.

– Может, у меня плохая карма, раз я постоянно заикливаюсь на тех, кто впоследствии разбивает мне сердце?

– Брось! Не мужчины разбивают сердца женщинам. Это делает разочарование, в котором виновны сами женщины. Сначала они придумывают себе идеал, а после удивляются, когда фантазийный образ не соответствует действительности.

– Да, конечно, – Полина надменно подняла бровь. – Во всем виноваты бабы.

– Фи, какое некрасиво слово! Но это правда. Если бы женщины не выдумывали «принцев», жить было бы намного проще. Всем, а мужчинам в первую очередь.

– Но я не придумываю принцев! Только почему-то притягиваю к себе тех, кому впоследствии оказываюсь ненужной.

– Мы всегда ищем тех, с кем нам наиболее комфортно. Чаще всего эти люди оказываются похожими на нас самих. Ты ведь, мадам Матуа, тоже авантюристка. Не пытайся возражать. Если бы ты не была таковой, выбрала бы себе другую профессию, менее рискованную и более предсказуемую. Сидела бы в офисе с девяти до шести, получала бы установленную зарплату и два раза в месяц ходила бы с мужем в ресторан. В общем, жила бы так, как это делают обычные люди, – Мануэль обвел рукой посетителей кафе. – Они живут без выкрутасов, в отличие от таких, как ты и я. Мы, любовь моя, безрассудны, легки на подъем и терпеть не можем однообразие. Я знаю, о чем говорю, так как сам нахожусь в такой же ситуации. Мне скучно рядом с «надежными» мадемуазель, постоянно тянет к сомнительным гадинам, а все потому, что с ними весело.

– Ты путаешься с малолетними пустышками, потому что у тебя вкус плохой. Я же люблю...

– ... авантюристов, – подсказал Мануэль, громко рассмеявшись, – так как...

– ...мой вкус не менее отвратительный, чем твой, – закончила предложение Полина и вздохнула: – Так ты сейчас один?

– Душевно – да, физически – нет. Раздумываю над тем, не пришло ли время разорвать шаблоны и обратить внимание на «настоящую» женщину. Только боюсь, что, встретив такую, стану мучиться так же, как и ты сейчас. А теперь расскажи, какой заказ вынудил тебя прилететь.

Полина кратко описала цель визита.

– Завтра свяжусь с мадам Кристин и договорюсь о встрече с Альберто, – попытожила она, не понимая, отчего Мануэль смеется над ее словами. – Я что-то не так сказала?

– Удивлен тем, что ты не знаешь, кто именно управляет салоном. Мы ведь не раз пользовались услугами «Тота», и ты должна была знать, что мадам Кристин давно отошла от дел... «Тота» управляет Хулия.

– Не понимаю причины смеха. С чего ты взял, что мне должно быть известно, кто такая Хулия? Я ведь никогда лично не встречалась с ней. Не хотела...

– Вязываться в этот грязный бизнес, – оскалился Мануэль, вспомнив их прежние разговоры о морали, которые всегда заканчивались ссорами.

– Имею право, – строптиво заявила Полина. – Ну не люблю я проституток, – жалобно протянула она. – Брезгую. Мне кажется, что все они такие пошлые, грязные и неприятные. Готовы за лишнюю сотню сделать все, что попросишь.

– Телом, значит, торговать – плохо. А душой, как это делаем мы, – можно? Ты когда-нибудь видела девочек мадам Кристин?

– Нет, и в ближайшее время не намереваюсь! А почему ты сам упоминаешь имя той, которая давно вышла из бизнеса?

– Так принято, – пояснил Мануэль. – Кристин была известной фигурой в послевоенном Париже.

– Послевоенном? Наверное, старуха уже покрылась плесенью от старости. Или благодарные поклонники уже пару десятков лет носят цветы на могилу легендарной мадам.

– Все может быть. Говорят, она была настолько красива, что не оставляла равнодушным ни одного мужчину. Даже генерал де Голль был очарован ею.

– Ко всему прочему, эта гетера была чертовски умна, раз ее дело живо до сих пор, – заключила Полина. – Как получилось, что бордель процветает, в то время как проституция официально запрещена законом?

– «Тота» – это не просто «веселый дом», где можно легко заказать шлюху на час, отоварить ее и уехать домой к толстой жене. В «Тота» люди получают любовь и обожание.

– Ради бога!.. – Полина выругалась – ее невероятно обозлили слова Мануэля. – Об обычной проституции, пусть и элитной, ты рассуждаешь так, будто это благое дело.

– А какое еще? Если оно дарит людям счастье, значит, его можно назвать благим. Не нужно вешать на людей ярлыки, лишь исходя из того, какую профессиональную деятельность они выбрали. В этом случае нас с тобой можно с легкостью назвать бессовестными ублюдками. А мы ведь таковыми не являемся...

– Все! Мы слишком далеко зашли. Закончим на этом. Лучше скажи, ты сможешь устроить мне встречу с главной шлюхой «Тота»?

– Когда увидишь Хулию, поймешь, что зря называешь ее этим словом, – ответил Мануэль и замер, вслушиваясь в голос дежурного, объявляющего, какой самолет совершает посадку. – Наш, – обрадовался он и поднялся: – Идем, иначе твои девицы начнут нервничать, подумав, что их не встречают.

– Не начнут. Я даже не знаю, что должно случиться, чтобы они испугались.

– Настолько смелые?

– Предприимчивые. А ты заинтриговал меня Хулией. – Полина едва поспежала за Мануэлем, поэтому дернула его за руку, прося идти медленней. – Судя по имени, она испанка?

– Не думаю. Хотя...

– Красива?

– Увидишь, если она согласится на встречу с тобой.

– Разве продажная женщина может отказаться от выгодного предложения? – удивилась Полина.

– Вполне, потому что знает себе цену. Но дело не в этом. «Тота» настолько известен, насколько о нем ничего не знают.

– По-моему, ты сейчас бред несешь.

– «Тота» – многомиллионный бизнес, который находится в тени и только благодаря этому процветает. О салоне знают многие, но это не те обычные люди, о которых мы говорили десять минут назад. Это богатые и известные мужчины, порой женщины, те, с которыми ты привыкла встречаться по работе. Но если бизнес «VIP-life concierge» относительно прозрачный, то о «Тота» и знают, и не знают одновременно.

– Я поняла, что именно ты имел в виду. Только не представляю, почему Хулия может отказать мне во встрече?

– Кто знает? Может, она посчитает тебя опасной... или Альберто. Не захочет лишний раз светиться.

– Но с клиентами она видится и не боится, что они станут трепаться о ней со своими дружками.

– Но ты же не клиент.

– А ты? – Полина поражено замолчала на мгновение. – Вот почему ты так смело рассуждаешь о «Тота». Ты пользуешься услугами этих...

– Красоток, – подсказал Мануэль, откровенно веселясь замешательством, промелькнувшим в глазах подруги. – Богини! Если бы ты их видела, непременно изменила бы свое мнение.

– И чем они отличаются от обычных женщин? У них половой орган особый?

Мануэль подхватил Полину на руки, высоко приподняв над полом. Та залилась краской и со смехом потребовала, чтобы ее поставили на место, так как заметила вышедших из зала для прибывших Зину и Тоню.

– Вот они, мои девицы! – сказала она, махнув рукой в сторону женщин. – Тоже богини.

– Обе хороши, – понизил Мануэль голос. – Тоня похожа на нимфу, такая же легкая и изящная. Зина величава, как амазонка. Bonjour, – расцеловал он подошедших дам. – Нет женщин прекраснее, чем те, которые стоят рядом. Мадемуазель, позвольте выразить свою радость от знакомства.

Глава 4

– Я думала, что попаду в иную атмосферу, – проговорила Зина, придирчиво осматривая парижский офис «VIP-life concierge». – Ты говорила о неповторимом шарме, утонченной элегантности. – Она неодобрительно посмотрела на Полину, которая стояла у окна и молча разглядывала улицу. – Эй! Матуа, ты меня слышишь?

– Слышу.

– У меня ощущение, будто я не выходила из московского офиса. – Зина прошлась по кабинету Мануэля. – Тот же бедлам, только речь басурманская. Гадкий язык! Режет ухо и каждый раз заставляет икать при звуках этого противного «р-ры».

Мануэль рассмеялся, бросил взгляд на Тоню, удобно устроившуюся на диванчике и молчаливо просматривающую журналы.

– Ты знаешь французский? – спросил он.

– Только пять слов, из них три ругательных. Ну что, экскурсия окончена? – Тоня отложила журнал в сторону и поднялась: – Можем возвращаться в отель? Если вы намерены предложить прогулку по городу-мечте, то я – пас!

– Почему?

– Я еще в самолете поняла, что с Парижем мы не найдем общий язык, – заявила Тоня, чем всех рассмешила. – Мнение людей об этом городе слишком преувеличено. Я не вижу в нем ни романтизма, ни величия.

– Как ты можешь рассуждать об этом, если не видела города? – мягко поинтересовалась Полина. – Хотя не могу с тобой не согласиться. Париж давно утратил свое очарование.

– Почему ты всегда принимаешь сторону Тони? – В голосе Зины послышались ревнивые нотки.

– Потому что наши мнения часто совпадают, – ответила Полина, нежной улыбкой погасив неудовольствие подруги. – Ману, подсади, как следует вести себя с Хулией?

Она посмотрела на часы, отметив, сколько времени осталось до ужина, на который была приглашена управляющая «Тота». Еще вчера вечером Мануэль договорился о том, что она придет в ресторан отеля, где остановились женщины. Хулия, по его словам, была настроена доброжелательно и сразу же согласилась на разговор с мадам Матуа, лишь уточнив время и место встречи. Зато Полина заметно нервничала, что пыталась скрыть улыбками и нарочитым спокойствием. Она откровенно не понимала, почему предстоящая встреча с этой женщиной так пугает ее. Ведь даже если Хулия откажет в знакомстве с Альберто, ничего страшного не случится. Можно будет найти другую «мадам», более доступную и стоворчивую. Но все же она волновалась, словно от предстоящего ужина зависело нечто важное, что пока не поддавалось объяснению.

– Веди себя с ней так же, как и с обычными клиентами, – сказал Мануэль.

– То есть целуй в задницу, – хохотнула Зина и тут же осеклась под тяжелым взглядом Тони. – Что сейчас я не так сказала?!

– Из твоего рта постоянно вылетают какие-нибудь гадости, – ответила девушка. – Задумайся, наконец, над тем, что выдаешь в эфир. Признаться, хамство, которое ты преподносишь под видом острот, уже надоело.

– Не тебе меня поучать!

Полина прикрыла глаза, расстроенная тем, что короткое перемирие, о котором они торжественно договорились, закончилось. Женщины снова демонстрировали неприязнь друг к другу, что заставило Полину задуматься, не совершила ли она ошибку, пригласив обеих в Париж. Видимо, им противопоказано находиться рядом, потому что любое неосторожное слово могло спровоцировать ссору, окончание которой страшно было представить. К счастью,

продолжения не последовало. Зина вдруг взяла себя в руки и улыбнулась, словно ничего не произошло. А Тоня продолжала демонстрировать спокойствие и мягкость, словом, выглядела такой же невозмутимой, какой Полина привыкла видеть ее всегда. Зато Мануэль был поражен. Ему казалось, что женщин связывает нежная дружба, ведь они так мило улыбались вчера вечером друг другу за ужином и весело шутили. Но стоило барышням освоиться, как вся доброжелательность мгновенно испарилась, уступив место истинному настроению. Больше всего Мануэля поразила позиция Полины, предпочитающей не вмешиваться в конфликт. Было очевидным, что она нежно любит обеих женщин и не намерена принимать чью-либо сторону. Однако подобный нейтралитет мог иметь обратный эффект и привести к событиям, последствия которых окажутся плачевными для всех. Желая избавиться от этой неприятной сцены, он хлопнул в ладони, привлекая внимание.

– Зина, как ты смотришь на то, чтобы пообедать в ресторане моего отца? – спросил он, заранее зная, что, если обратится с подобным вопросом к Тоне, получит отказ.

– Твой папа ресторатор?

– Причем самый известный в Париже, – сказала Полина. – Не отказывайся. Гарантирую, что получишь массу удовольствий от общества Мануэля и его отца.

– Ловко ты избавилась от меня на этот вечер. – В глазах Зины сверкнул злой огонек. – Что ж, я не в обиде. Встречайтесь со своей бандершей, а мы в это время прекрасно проведем время.

После этих слов Мануэль с необычайной для него легкостью подскочил к женщине, подал руку и сладкоречиво пообещал:

– Прокачу вас, мадемуазель, на самой лучшей машине в городе.

– Он о «байке» говорит, – предостерегла Полина.

– Я в брюках, – ответила Зина и направилась к выходу. – Меня еще никто не катал по Парижу на мотоцикле. Глупо отказываться.

Мануэль поднял руки вверх и горестно воскликнул:

– Почему ты познакомила нас тогда, когда она собралась выйти замуж за другого?

– Люди склонны менять решения, – сказала Тоня и выпрямилась по струнке, потому что Зина повернулась в ее сторону, просверлив недобрым взглядом пространство перед собой.

– Согласна, – выдавила она из себя. – Но я терпеть не могу тех, кто сегодня говорит одно, а завтра – другое.

– Что между вами происходит? – мягко спросила Полина, когда Мануэль и Зина покинули кабинет.

– Нелюбовь, – не стала лукавить Тоня. – Причем только со стороны Михайловой.

– Значит, ты ни при чем?

– Я лояльна по отношению ко всем, включая Зину. Просто иногда она раздражает меня своей невоспитанностью. Неужели она со всеми ведет себя столь бесцеремонно?

– Раньше Зина была более смирной. – Полина подхватила сумочку с дивана и вышла в коридор. – Но в последнее время утратила сдержанность.

– А у меня сложилось впечатление, будто она ею никогда не обладала. Вы ведь давно дружите?

– Нет. Мы учились вместе в университете, но тогда наши отношения не были похожи на нынешние. Потом долгое время не виделись, и я даже не знала, что Зина работает в «VIP-life concierge»...

Полина замолчала, потому что в общей зале ее окружили сотрудники офиса, с которыми она принялась тепло прощаться. Тоня улыбнулась, видя искреннее внимание, которое проявляют люди к Полине. Наверное, они скучали по ней. Они вели себя так, будто прощались не с боссом, а с дорогим другом. К Тоне сотрудники отнеслись с тем же участием, потому что девушка умела расположить к себе с первой же минуты общения. Нежная, лучезарно улыбающаяся, к тому же очень привлекательная, Тоня не могла не понравиться, чем без смущения

пользовалась, заставляя людей проникаться к ней симпатией. В московском офисе девушку обожали все, кроме Зины, на которую чары почему-то не действовали. Тоня не отчаивалась привлечь толстуху на свою сторону, правда, в последнее время начала понимать, что испытывает больше удовольствия от пикировок с Михайловой, чем от ее дружеского участия.

– Merci, – улыбалась она французам, пожимая руки. – Рада была знакомству, – по-русски добавляла она, слушая теплые незнакомые слова в ответ. – Ты уверена, что хочешь видеть меня за ужином? – спросила она Полину, выйдя на улицу, и с удовольствием подставила лицо теплому весеннему солнцу.

– Я буду спокойнее, если ты составишь мне компанию. – Полина взяла девушку под руку.

– Если разговор будет идти на французском, я вряд ли смогу быть полезной.

– А вдруг мадам окажется образованной особой? Попросим ее говорить по-английски.

– Мадам-полиглот! – рассмеялась Тоня. – Может, поли-глотка?

– Да, с языком у нее, похоже, не будет проблем.

Вернувшись в отель, женщины решили устроить небольшой отдых перед встречей с госпожой Хулией, разошлись по своим номерам, договорившись встретиться в холле отеля в семь вечера. Ужин был назначен на половину восьмого, поэтому времени, чтобы собраться с мыслями, оказалось достаточно. Оставшись одна, Полина тем не менее не стала отдыхать, созвонилась с московским офисом, желая быть в курсе событий, долго разговаривала с одним из клиентов компании, которому срочно понадобилось четыре билета на концерт поп-звезды, которая этим вечером выступала в Питере.

– Еще позже позвонил бы, – пробурчала Полина, размышляя, как получить приглашения в vip-ложу в столь короткий срок.

Спустя час, после разговора с менеджером певца, она сообщила клиенту, что билеты в ближайший час доставят ему домой, и улыбалась, слыша восторженные крики дочери, которая пиццала о «самом лучшем папочке в мире».

– Не папочка сделал тебя счастливой, – сказала Полина в трубку, разумеется, когда разговор был закончен. – Это я – самая лучшая в мире! – довольно проговорила она и подбежала к шкафу, обдумывая, какое платье надеть к ужину.

Сделав выбор, она быстро подправила макияж, причесалась и через десять минут уже была готова к выходу. В холле отеля, увидев ожидающую ее Тоню, улыбнулась их почти одинаковым фасонам платьев. Простого кроя, короткие, только разного цвета – на Полине было бордовое, Тоня же выбрала темно-синее.

– Не хватает нитки жемчуга, – сказала Полина. – Красотка!

– Ты тоже мне нравишься. Показывай дорогу.

По пути в «La Table du Lancaster» Тоня рассказывала, как чудно провела время.

– Два часа спала, как младенец. Вроде бы не устала, но едва легла на кровать, поняла, что, если...

Полина почти не слушала ее, внимательно рассматривая мужчину, который только что вышел из зала ресторана в компании высокой светловолосой дамы. Он крепко обнимал ее за талию и что-то шептал на ухо. Дама застенчиво улыбалась, потом просунула руку под пиджак мужчине, который, вдруг почувствовав на себе пристальный взгляд Полины, остановился и едва заметно кивнул в знак приветствия. Тоня замолчала, непонимающе наблюдая за этой сценой, полной ревности и одновременно холодности.

– Кто это? – спросила она, беззастенчиво разглядывая мужчину, который привлек внимание Полины.

Светловолосый, носатый, с невозмутимой улыбкой на губах и бесстрастным взглядом. Привлекательный и вместе с тем отталкивающий из-за явно выраженного превосходства, которое наблюдалось не только на лице, но и в каждом движении, даже вздохе, леденящем воздух вокруг него.

– Это Люк, – внезапно догадалась Тоня и принялась жадно поедать глазами бывшего мужа Полины. – Суровый дядька.

– Идем, – попросила Полина, чувствуя неловкость от этой встречи. – Что он здесь делает? – прошипела она, когда Люк и его пассия скрылись из виду.

– Ужинал с дамой сердца. А сейчас отправится с ней в номера.

– Люку нет нужды устраивать свидания в отеле, для этого у него есть квартира.

– Может, мадемуазель не стоит того, чтобы приглашать к себе домой, – равнодушно пожала плечами Тоня. – Какая тебе разница, с кем он спит?

– Никакой, – ответила Полина и улыбнулась администратору ресторана: – Добрый вечер, месье Лорье...

Мужчина провел дам за столик, заказанный на имя мадам Матуа, подал меню, карты вин и, пожелав приятного вечера, удалился. Почти сразу же к столику подскочил официант, юркий и услужливый. Полина сообщила, что основной заказ они сделают позже, лишь попросила принести бокал белого вина.

– Ты, как всегда, не пьешь?

– Откажусь. У меня перед глазами был великолепный пример того, что с людьми делает алкоголь, – ответила Тоня, намекнув на пьющую мать.

– Сколько лет ты с ней не виделась?

– Пять, наверное.

– Не желаешь...

– Нет, – перебила Полину Тоня. – Она столько плохого мне сделала, что, боюсь, не смогу спокойно смотреть ей в лицо. И уж тем более не желаю видеть отчима. Я вообще надеюсь, что он давно сыграл в ящик!

– А сестры? Неужели тебе не интересно, как они живут? Сейчас, когда ты получила огромное наследство от Астрид, мне кажется, настал момент помочь своим близким.

– Единственное, в чем помогли мне сестрицы, – это дали денег на билет в Мюнхен. Ни внимания, ни любви я от них не получала. Лишь зависть, оттого что родилась немного красивее, чем они.

– Думаешь, у меня с братьями всегда были теплые отношения? – с иронией спросила Полина. – Мы с Алексом дрались до моего двадцатипятилетия, а с Майклом ругались так, что по несколько месяцев не разговаривали. О покойной Кате я и вовсе молчу. Мне кажется, что она ненавидит меня до сих пор, смотрит сверху и плюется. Но, увы, с сестрой я уже никогда не смогу подружиться, хотя отдала бы многое за это. Зато ты в силах наладить отношения с семьей.

– Зачем? Чтобы мать постоянно клянчила деньги на выпивку, а сестры улыбались мне в лицо только потому, что я богата? Нет, увольте. К тому же мы уже давно перестали быть семьей. За те три года, что я жила в Мюнхене с Астрид, сестры ни разу не позвонили, хотя я оставляла им свой номер телефона. Ни одна из них не поздравила меня с днем рождения за последние десять лет, не поинтересовалась, как я живу... Не смотри на меня, как на капризного ребенка, я знаю, что делаю. Те люди, которые остались в Беларуси, чужие, несмотря на то что в нас течет одна кровь.

Полина крепко сжала руку девушки, которая прикусила губу, словно боялась расплакаться.

– Обещаю, что больше не стану приставать к тебе с глупыми расспросами. Поступай, как считаешь нужным. Ты уже взрослая девочка.

– Зина сказала, что ты видишь во мне Катю, – улыбнулась Тоня, справившись с эмоциями. – И что, если бы ты не потеряла сестру, не была бы со мной столь нежна.

– Вы не похожи, и мое нежное отношение к тебе не спровоцировано виной, оттого что Катя погибла. Да, с тобой мы познакомились при особых обстоятельствах, но это лишь уско-

рило процесс сближения. Не пришлось тратить на это долгие годы. Знаешь, один из клиентов «VIP-life», Миронов Константин Витальевич, как-то за ужином... Помнится, мы были такими пьяными, откровенными... Так вот, он сказал, что правду не доказывают, о любви не кричат, а дружбу не планируют. И был абсолютно прав. Наши с тобой «незапланированные» отношения проверены, крепки и делают меня счастливой.

– То есть ты полностью мне доверяешь? – спросила Тоня и, когда Полина кивнула, с насмешкой приподняла бровь.

– Разумеется! – Полина легко толкнула ее локтем: – Ты ведь не получаешь выгоды от общения со мной. Деньги у тебя есть, от работы в «VIP-life concierge» ты не зависишь. Тебе нужна только моя дружба. Так что нас связывают чистые, ничем не обремененные эмоции. – Она бросила взгляд на часы: – Мадам опаздывает, это говорит о необязательности.

– Семь минут – не опоздание, а легкая задержка. Как ты думаешь, сколько ей лет и как она выглядит? Ставлю на то, что мадам – сорок пять. Она высокая, рыжеволосая...

– С огромной родинкой на правой щеке, – рассмеялась Полина, обожающая подобные пари. – Сто евро на то, что мадам шестьдесят лет. Невысокая, черноволосая, с большим носом и круглой задницей. Если она испанка, то – заносчивая, но с хорошим чувством юмора. Брючный костюм, портфель.

– Бизнесмен получился. Мой вариант – высокая, с яркими волосами. Возможно, носит парик. Хищная, злая, густо накрашенная. Платье, высокие каблуки.

Они пожали друг другу руки, торжествуя усмехаясь, и одновременно повернулись в сторону зала, принявшись рассматривать новых посетителей. Парочек Полина предложила исключить, сказав, что Хулия скорее всего появится одна.

– Думаешь, она передвигается по городу без охраны?

– Считаешь, ее работа опаснее нашей? Мы-то без телохранителей обходимся.

– Но мы не торгуем людьми, – возразила Тоня.

Сразу же после ее слов в ресторан в сопровождении высокого молодого человека вошла старушка в модной шляпке на макушке и с изящной тростью в руке. Полина с облегчением вздохнула, когда бабка и ее «кавалер» подошли к соседнему столику, где их ожидала большая разновозрастная компания. Следующим персонажем, который привлек внимание женщин, была особа, очень подходящая под описание, данное Тоней. Девушка уже изобразила на лице довольную улыбку, но она быстро исчезла, потому что даму встретил мужчина, заботливо поцеловав в щеку.

– Черт! – выругалась девушка, негодуя поспевав на Полину: – Радуетесь?

– Еще бы! Молния не бьет дважды в одно и то же место, – ответила та и указала подбородком на молодую даму, к которой с заискивающей улыбкой подскочил администратор. – Вот и Хулия, – уверенно добавила она, потому что администратор внимательно выслушал вопрос и провел мадам к столику, где сидели женщины.

Управляющая «Tota» выглядела совершенно не так, как ее представляли Полина и Тоня. Это была женщина лет тридцати, среднего роста, худая, не ярко, но модно одетая. Ботильоны на высоких каблуках, узкие черные брюки, легкая зеленая блуза, дизайнерский пиджак, два браслета на правой руке, рядом с ними часы известной швейцарской марки. Образ был стильным, но настолько детально продуманным, что казался искусственным и слишком журнальным. Острые плечики, тощая шейка и узенький подбородок. Грудь почти отсутствовала, и этот факт особо удивил Полину, считающую, что все жрицы любви должны обладать шикарным бюстом. Впрочем, Хулия управляла «Tota», но это вовсе не означало, будто она удачно поднялась по карьерной лестнице, превратившись из проститутки в «мадам». Одни лишь губы выбивались из общего утонченного образа. Полные, даже слишком, четко очерченные, ярко-красные. Интересным было и то, что на лице Хулии не было косметики. Ровная кожа, слегка усеянная веснушками, тонкие черные брови, небольшие глубоко посаженные глаза непонят-

ного цвета, то ли зеленые, то ли светло-карие. Прямые черные волосы до плеч, такой же прямой взгляд, несколько настороженный, но не отталкивающий. Удивительно спокойная внешность, которая никогда не выдала бы в этой привлекательной женщине торговку «живым товаром». Но еще большее изумление Полина, равно как и Тоня, испытала, когда Хулия поздоровалась на чистейшем русском.

– Добрый вечер, дамы. Да, я русская, – ответила Хулия на появившийся в глазах Полины вопрос, прежде чем та успела его произнести. – Мы, как сорняки, везде прорастаем. Зная от Мануэля, что вы – моя соотечественница, я посмела предположить, что нам будет комфортнее говорить на родном языке.

Теплый голос, изящная речь и такие же манеры заставили Полину улыбнуться. Она указала рукой на стул, предлагая присесть.

– Как мне к вам обращаться?

– Предпочитаю Хулия, – ответила женщина, удобно устроившись напротив.

– Почему не Жюли на французский манер? – спросила Тоня и подала руку, представившись.

– Слишком по-детски. – Хулия повернулась к официанту: – То же вино, что пьет мадам Матуа. Слышала, у вас хороший вкус.

– От кого?

– Не важно, – резко ответила Хулия. – К сожалению, я не обладаю достаточным количеством времени, чтобы вести милые беседы, поэтому давайте приступим к делу.

После этих слов Полина уже не видела в мадам изнеженную аристократку, скорее жесткого бизнесмена, не очень приятного, но вызывающего уважение к своей персоне.

– Смею предположить, что тема нашей встречи будет отличаться от того, к чему призывали вы, – начала она и замолчала, осознав, насколько неуважительно прозвучала эта фраза.

Тем не менее Хулия не обиделась. Напротив, услышанное развеселило ее. Она тихо засмеялась, с интересом оглядела смутившуюся Полину и перевела взгляд на Тонию, которая одарила мадам взглядом, с трудом поддающимся определению. Хулия широко улыбнулась ей, Тоня в ответ растянула губы, но глаза при этом остались холодными, что не прошло незамеченным для мадам управляющей.

– Продолжайте, – уже мягким голосом попросила она, словно заставила себя переключиться на другое настроение, более дружелюбное.

– Клиент компании, в которой я работаю, – сказала Полина, теперь полностью контролируя то, что произносит вслух, – желает получить вашу консультацию.

– Пардон, в чем же?

– Мистер Патри, так зовут этого господина, режиссер, который...

– Альберто Патри? – перебила Хулия. – Мне не понравился его последний фильм. Слишком эпатажный.

– Это дело вкуса, – заметила Тоня. – Я, например, получила удовольствие.

– Значит, ваша жизнь слишком скучна, раз вас способны заинтересовать скандальные истории, в которых нет правды.

Полина вдруг обрадовалась тому, как повернулся разговор. Она увидела хорошую возможность для себя правильно озвучить цель встречи.

– Именно поэтому Альберто и жаждет увидеться с вами. Он приступает к съемкам фильма о дамах полусвета. Надеюсь, мои слова не оскорбили вас?

– Нисколько, – с деланным равнодушием отозвалась Хулия. – Но я благодарна за то, что вы весьма тактично отозвались о моих подопечных. Что касается мистера Патри... Я должна поделиться с ним тайнами своей профессии?

– Не совсем. Альберто хочет знать, как вы выглядите, говорите, что надеваете и едите. В общем, ему нужен ваш образ.

– То есть я буду чьим-то прототипом?

– Да, – едва слышно вздохнула Полина, мечтающая о скорейшем окончании беседы.

– Понятно, – быстро ответила Хулия и, словно почувствовав желание Полины, поднялась: – Мне нужно посове... Я дам вам знать, когда приму решение.

– Мы готовы щедро оплатить потраченное на мистера Патри время, – добавила Тоня, оставшаяся сидеть на стуле, с улыбкой глядя на то, как Полина вежливо поднялась следом за мадам.

Хулия кивнула и, сухо попрощавшись, направилась к выходу. Только в этот момент женщины заметили, что от барной стойки отделились два облаченных в строгие костюмы гиганта и двинулись за мадам, с профессиональным изяществом вращающей тощей задницей.

– Вот и охрана. – Полина потянулась к бокалу вина, заметив, что Хулия так и не притронулась к своему. – Ощущение такое, будто пообщалась с родителями. Опустошена, – пояснила она, жадно выпив свое вино, а заодно и Хулии.

– На ведьму из детских сказок похожа.

– Мне, наоборот, показалась красивой.

– Брось! Угрожающая. Кто бы мог подумать, что она окажется русской. Как-то неправдоподобно...

– То есть Франция только для французов? – улыбнулась Полина и поискала глазами официанта. – У меня стресс, и я хочу его заесть вкусной едой.

– Поля, тебе не кажется все это фарсом? – тихо поинтересовалась Тоня, глядя в одну точку перед собой.

– В смысле?

– Шейхи, лошади, Альберто, проститутки, русская мадам. Мы здесь, в этом пафосном месте. Все внутри переворачивается, когда я думаю, насколько изменилась моя жизнь за последние полгода. Чувствую себя не в своей тарелке.

– Так всегда бывает, когда выходишь из зоны комфорта. Твою мать! – вспыхнула Полина, обозленная тем, что все официанты вдруг исчезли, и спокойно добавила: – Привыкнешь.

– Но я не хочу.

– Тоня, не беси меня. Я сейчас на взводе. Сначала Люк и его дылда выбили из колеи. Потом Хулия. Теперь ты пытаешься окончательно вывести меня из себя своими сомнениями относительно непонятно чего. Что тебя не устраивает? Черт, многие отдали бы все, лишь бы поменяться с тобой местами!

Тоня молча играла салфеткой в руках. Глаза ее горели странным огнем, который вскоре потух. Она посмотрела на Полину и мягко улыбнулась:

– Итак, раз наши ставки не сыграли, предлагаю новое пари. Ставлю сто евро на то, что Хулия не согласится на встречу с Альберто.

– Откуда столько уверенности? – удивилась Полина и, наконец заметив официанта, взмахнула рукой.

– Она случайно обмолвилась, что ей нужно посоветоваться. Значит, бандерша – тетка не самостоятельная и над ней стоит директор.

– «Директор», – улыбнулась Полина. – Поднимаю до двухсот и ставлю на то, что мадам даст согласие, но цену за встречу потребует немалую.

– Значит, выходные пройдут в ожидании ответа? Что ж, предлагаю обдумать, чем займемся в этом городе любви и соблазнов.

– Магазины, клубы, рестораны?

– Согласна, – жеманно кивнула Тоня, и обе женщины рассмеялись, довольные веселым окончанием вечера.

Глава 5

Планы срочно пришлось менять из-за неожиданного появления Литвина, который приехал не один, а со своей дочерью Ниной. Станным было то, что он не предупредил о встрече, как обычно это делал, просто появился в холле отеля и попросил, чтобы администратор вызвал мадам Матуа. Она же, удивленная и настороженная сообщением об ожидающем внизу госте, спустилась по лестнице, гадая, кто это может быть. Клиенты всегда договаривались о встречах заранее, значит, гость не связан с «VIP-life concierge». Полина была в этом уверена, ибо срочных заказов у нее не имелось и никто из клиентов не знал, что она находится в Париже. Увидев Литвина, Полина испытала легкое разочарование, понимая, что ждала кого угодно, только не его. Однако, когда она заметила на диванчике Нину, с любопытством оглядывающуюся по сторонам, разочарование быстро уступило место радости.

– Поля! – воскликнула девочка, подбежала к ней и, крепко ухватившись за талию, принялась отчитываться: – Мы специально приехали к тебе. Я спросила у папы, когда мы встретимся. Он ответил, что не знает, и предложил самим найти тебя.

– Ну вот, – усмехнулся Литвин. – Я собирался сказать Полине, что в Париж меня привела работа, а ты проболталась.

– Зачем лгать? – удивилась Полина, подхватила девочку на руки и прижала к груди.

– Чтобы ты не думала, что мы навязываемся, – смущенно ответил Литвин.

Это обстоятельство заставило усмехнуться, так как она не часто видела, чтобы Литвин приходил в замешательство. Вернее, никогда, ибо такой человек, как Филипп, по ее мнению, вряд ли способен испытывать застенчивость. Подобная слабость была не в его характере. У него вообще не могло быть слабых мест. Самодовольный и самоуверенный, он считал, что всегда поступает верно. Однако легкий румянец на щеках и растерянность в глазах сейчас сказали Полине обратное: Литвин действительно испытывал неловкость, настороженно ожидая реакции Полины на свое неожиданное появление.

– Зина сказала, где я остановилась?

– Станешь ее ругать?

– Болтунов не ругают, а наказывают. – Полина опустила Нину на пол, но девочка словно приклеилась к ней, уткнулась щекой в живот и обвила руками бедра. – Что случилось?

– Соскучилась.

– Настолько, что папа оторвал тебя от учебы и привез ко мне за тысячи километров?

– Да, – закивала Нина. – Ты злишься?

В глазах девочки была тревога, и Полина поспешила заверить ее, что причин волноваться нет.

– Котенок, ты уже давно поселилась в моем сердце, – сказала она, погладив малышку по щеке. – Как я могу злиться на тебя?

Нина улыбалась, глядя ей в лицо. Искренняя привязанность девочки вдруг испугала Полину, но еще больший страх она испытала, когда подумала, что не сможет оправдать ожиданий ребенка. Никто еще не смотрел на нее с таким обожанием и надеждой. Беззащитная девочка с большими голубыми глазами и белыми волосами показалась настолько дорогой сердцу, что Полина удивилась своим эмоциям. Захотелось схватить Нину в объятия и не отпускать от груди. Уроки, косички-бантики, платья, сказки на ночь, сейчас это не пугало, наоборот, Полина со странной печалью в душе осознала, что желает быть матерью девочки, которая сейчас смотрела на нее с такой любовью.

Полина поправила растрепавшуюся челку, провела пальцами по курносому носу и, не сдержав порыва нежности, снова подхватила Нину на руки. Потом сделала шаг навстречу Литвину, безмолвно наблюдающему за этой чувствительной сценой, и подставила щеку для поце-

луя. Он легко коснулся ее губами и вдруг обнял дорогих ему женщин. Нина пискнула и рас- смеялась.

– Хорошо, что она не похожа на тебя, – прошептала Полина.

– Отчего же? Внешне Нина моя полная копия.

Полина кивнула, соглашаясь с его словами. И отец и дочь были невысокими и хрупкими. Светловолосые, белокожие, с одинаковыми точеными чертами лица, в них легко можно было угадать родственников. Только вели они себя по-разному. Впрочем, было бы нелепо наблюдать в Литвине детскую суетливость и ребячливость, в то время как в поведении Нины подобные качества выглядели вполне уместными ее возрасту и забавляли.

– Я имела в виду ваши характеры, – улыбнулась Полина и с ребенком на руках направи- лась к стойке администратора, но внезапно остановилась: – Филипп, вы в этом отеле желаете остановиться или...

– Рядом с тобой, – вместо отца ответила Нина, с интересом прислушиваясь к разговору взрослых.

– Если ты не возражаешь, – добавил Литвин и, увидев в глазах Полины ответ, который полностью устроил его, улыбнулся: – Мы будем вести себя незаметно.

– В этом случае можно было не приезжать в Париж, а дожждаться моего возвращения в Москву. Но раз вы уже здесь, проведем время так, чтобы Нина осталась довольна.

– А я? – Литвин провел рукой по ее спине, слегка коснувшись бедер.

– И ты, – рассмеялась Полина и предусмотрительно отошла в сторону. – Надеюсь, в отеле имеются свободные номера. Если все занято, что-нибудь придумаем, – поспешила заверить она Нину, которая беспокойно задвигалась в ее объятиях.

В столь теплой компании время для Полины летело стремительно и незаметно. Прогулки по городу, магазинам, кафе, смешные разговоры заставили ее забыть о цели визита в Париж и даже о подругах, которые лишь изредка присоединялись к ним. Зина, иронично усмехаясь, говорила, что не собирается мешать Полине «играть в мамочку и женушку». Тоня, конечно же, вела себя тактичнее, мило отказывалась от совместных развлечений, желая оставить подругу наедине с любимым мужчиной и девочкой. Сама же много времени проводила с Мануэлем в офисе «VIP-life concierge».

– Я будто попала на курсы повышения квалификации, – смеялась она. – Если бы еще Зина не маячила рядом, ощущение комфорта было бы полным.

– Не дождетесь, – отвечала Михайлова. – Я тоже многому учусь у Мануэля. И признаюсь, работать под его руководством мне очень нравится.

– Тогда оставайся здесь, – умоляла ее Тоня.

Похоже, что женщины, наконец, пришли к согласию или же решили на время успоко- иться, не желая напрасно тревожить Полину, мысли которой в эти дни были заняты другим, а именно ребенком, ни на секунду не отходящим от нее. Девочка постоянно была рядом, либо держала Полину за руку, либо обнимала, либо делала то и другое, сидя у нее на коленях. «Липучка», – прошептала Зина Тоне на ухо. Девушка не улыбнулась этой шутке, ответив, что малышка остро нуждается в матери, оттого и ведет себя подобным образом.

– Обычный ребенок, которому необходимы ласка и внимание.

– Жвачка, прилипшая к ботинку.

– Ты даже представить себе не можешь, как хочется иметь то, что есть у всех детей, а у тебя нет и, возможно, не будет.

– Ты сейчас о себе говоришь? – удивилась Зина, вздрогнув от телефонного звонка. – Сафет, – сквозь зубы процедила она и сбросила вызов. – Звонит каждые два часа. Надоел.

– Он влюблен и скучает, – ответил Литвин.

– Тетя Зина, – спросила девочка, – ты баскетболист?

– Нет. С чего ты взяла?

– Дядя Сафет сказал, что тебе даже не нужно подпрыгивать, чтобы положить мяч в корзину, – ответила девочка, не понимая, почему взрослые смеются над ее словами. – И что он тебе в сиськи сопит, когда обнимает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.